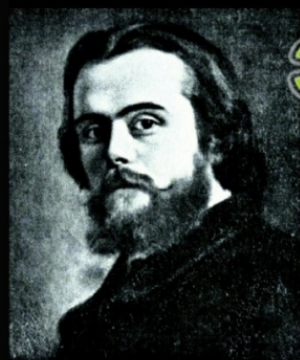
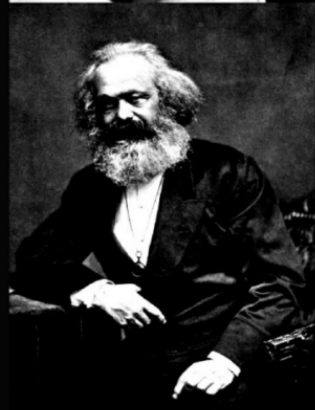

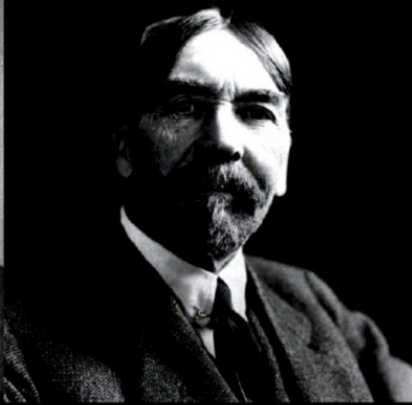
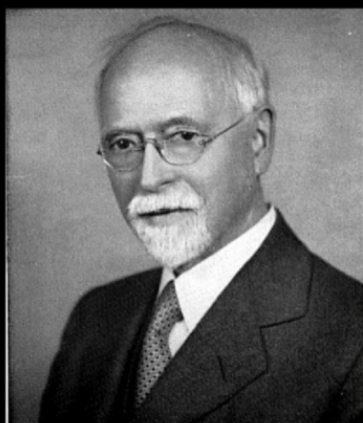
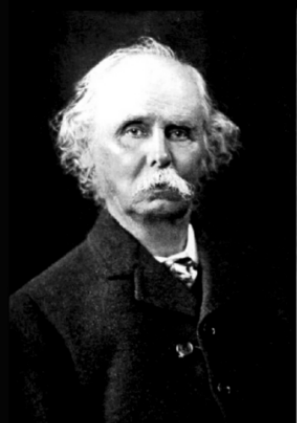
12+

Становление и развитие экономической теории

Том 1

Шестеренко М.А.

Марина Шестеренко

**Становление и развитие
экономической теории. Том 1**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шестеренко М. А.

Становление и развитие экономической теории. Том 1 /
М. А. Шестеренко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-99363-1

Книга «Становление и развитие экономической теории» представляет собой обзор мейнстрима экономической теории, лучший из имеющихся на русском языке. Неотъемлемая часть образования людей, живущих в условиях венчурного капитализма. Подходит для внеклассного чтения учеников старшего школьного возраста.

ISBN 978-5-532-99363-1

© Шестеренко М. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Экономическая наука древних греков	8
Романский и раннехристианский вклад в экономику	16
Китайская экономика в первом тысячелетии	17
Средневековая арабо-исламская экономика	19
Средневековая экономическая мысль	22
Экономическое влияние средневековой церкви	30
Становление экономической мысли	32
Глава 3	34
Меркантилизм как доктрина: экономика национализма	34
Меркантилизм как экономический процесс	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Марина Шестеренко

Становление и развитие экономической теории. Том 1

Предисловие

В течение последних нескольких десятилетий экономическая наука дала несколько выдающихся теорий и несколько выдающихся имён, которые останутся в истории экономической теории. Они, бесспорно, возродят интерес к истокам, к становлению и к развитию экономики как науки. Это учебное пособие, «Становление и развитие экономической теории», представляет собой удобочитаемый текст, формат которого охватывает основные теоретические и методологические идеи, продолжающие формировать экономическую теорию.

Эта книга предназначена для желающих иметь представление о том, что представляет из себя мейнстрим западной экономической теории и метода. Она предлагает исчерпывающий обзор *полного* диапазона экономической мысли от древности до современности. Рамки этого обзора не предполагают энциклопедичности, но его достаточно для демонстрации поразительной непрерывности экономической мысли, с одной стороны, с другой стороны, удивительной многогранности открытий в области экономики, происходящих, вероятно, оттого, что экономика находится на стыке многих научных дисциплин. Одолевший эту книгу читатель непременно поймёт, каким образом прошлые аналитические вклады в науку, как те, что благополучно вошли в экономический мейнстрим, так и те, что не вошли в него, сформировали современную экономическую теорию. Помимо этого, книга объединяет самые значимые методологические проблемы и аналитические модели с историческим обзором отдельных вкладов в науку. Более того, она исследует более широкие последствия теории для разворачивающейся социальной и экономической политики.

Часть первая

Истоки и становление экономики

Глава 1

Экономика и её история

Экономический анализ вылился в богатую и обширную историю со времени, которое, формально, считается его отправной точкой, – более двухсот лет назад. Наука экономика развивалась как отдельная интеллектуальная система со времён Древней Греции, именно древние греки дали нам слово «экономика», сведя его значение к «ведению домашнего хозяйства». После Средневековья экономика считалась предметом моральной философии, но в семнадцатом веке из неё выделилась *политическая арифметика*. Восемнадцатый век был временем ещё одного качественного изменения – *физиократии*. В конечном счёте, эта дисциплина приняла большую часть современной её формы под названием *политическая экономия* в конце восемнадцатого века. Благодаря тому, что она неуклонно получала признание и в двадцатом веке стала профессией, более узкий термин, экономика, стал представлять собой выработанное общими усилиями обозначение для совокупности принципов и методов научного исследования, которое теперь можно назвать «мейнстримом». Данная интеллектуальная система продолжает изменяться и сейчас.

Поскольку экономика находится на стыке многих научных дисциплин, она весьма разнообразна и красочна, охватывает множество неортодоксальных мнений. Она даёт пристанище изысканиям институционалистов (старых и новых), социалистов, марксистов, радикалов, австрийцев, пострикардианцев и посткейнсианцев, – упоминаем только о немногих из них. Эта книга не есть попытка уделить равное время и внимание всем точкам зрения. В ней мы концентрируемся на развитии господствующего направления экономического анализа по мере того, как он разворачивался в культуре от Древней Греции и до наших дней. Обоснование такой специфической фокусировки у нас двоякое. Прежде всего, мейнстрим экономики представляет собою консенсус относительно того, что есть экономика. Во-вторых, историческая перспектива мейнстрима экономики наверняка обладает большей, по сравнению с прочими, ценностью для современного студента экономики. В любой трактовке предмета экономической теории важным будет то, что экономика была до настоящего времени и есть живая форма интеллектуального дискурса, а не устоявшаяся раз навсегда совокупность научных постулатов, но здесь, в данной книге, мы освещаем мейнстрим истории экономической теории и метода в том виде, в котором он существует поныне.

Предмет изучения экономики, принятия решений людьми, нацелен на будущее, тогда как история направлена в прошлое. Но люди могут судить о том, где они находятся только исходя из того, где они были раньше, и, похоже, это условие сохраняет свою силу в интеллектуальной сфере ровно в такой же степени, как и в мире реальных событий. Историческая наука – это история людей, и если они захотят понять самих себя, то не смогут обойтись без истории. В данной книге предметом специального интереса является история науки, это сочетание слов мы используем очень широко, указывая на кумулятивные приращения человеческого знания. История науки – весьма неоднозначная вещь. Один взгляд на неё заключается в том, что она детализирует историю последовательного продвижения идей, составленных из эпохальных вкладов новых крупниц знания, добавленных к накопленному наследию прошлого, таким образом, кирпичик за кирпичиком, возводя здание научного знания, делая его всё выше. Другой взгляд состоит в том, что наука продвигается посредством «органического» роста – процесса

взросления – при котором знание медленно развивается от полного предрассудков и мифов младенчества ранних цивилизаций к изощрённо сложной структуре современной науки. Третий взгляд на экономическую науку в её историческом развитии состоит в том, что наука и её метод продвигается посредством эволюционных скачков, фазовых переходов, изложенных в работах биологов развития, почему бы и нет? Ни одно из этих воззрений на историю науки не является совершенно точным описанием прошлого, как, по-видимому, не являются они и надёжными в том, что касается прогнозирования и планирования будущего. Часто случается, что научная мысль продвигается сходным с биологической эволюцией образом, сначала разделяясь на множество мелких подразделений, впоследствии путём обособленного развития различных отраслей знания, которое каждую из них приводит к жёсткой традиции, узкой специализации и коллективным навязчивым идеям. От этого дробления и трансмутации периодически происходят новые синтезы, которые постепенно, по нарастающей, подталкивают нас вперёд, до тех пор, пока не наступит следующая стадия деления интеллектуальной клетки.

Новые синтезы никогда не бывают результатом простого сложения двух зрелых ветвей интеллектуальной эволюции. Каждое новое отклонение и последующая реинтеграция влечёт за собой слом жёстких, застывших структур научной мысли, результата чрезмерно узко специализированного развития в прошлом. К сожалению, мы не знаем очень многого о том, как и почему возникает этот процесс. Мы узнали, что большинство гениев, которые были виновниками основных мутаций в истории научной мысли, обладали, по-видимому, определёнными общими чертами. Во-первых и в первую очередь, великие интеллектуальные пионеры прошлого имели скептическое, почти бунтарское отношение к традиционным идеям. Во-вторых, они сохраняли (по крайней мере, изначально), открытость, граничащую с наивным легковерием, по отношению к новым концепциям. Из этого сочетания зачастую происходит эта ключевая способность видеть знакомую ситуацию или проблему в новом свете.

Другой предпосылкой для фундаментальных открытий, является «зрелость» эпохи, нечто поддающееся, по-видимому, распознаванию, если не *ex ante*, то хотя бы *ex post*. Мертон, в числе прочих, объяснял условия, ведущие к возникновению «повторяющихся открытий» в науке – явлению, при котором двое или большее число людей, работая независимо друг от друга, приходят к одной и той же идее или одинаковому подходу; как если бы требовалось выполнение неких предварительных условий для того, чтобы могло произойти качественное изменение; его ёмкий термин, который он приводит в одной из своих книг, – серендипность¹, – проливает свет на суть описываемого явления. Часто открытия в области экономики делали учёные, исследовавшие вовсе не экономические явления, ярким свидетельством этому является биография Уильяма Стенли Джевонса.

Таким образом, одно из приобретений, которое мы получаем от изучения истории экономики, – лучшее понимание творческого процесса. Этот текст даёт нам несколько фундаментальных догадок о сущности «социологии знания». Экономика – это мозаика из допущений, фактов, обобщений и методик, и очень трудно понять, каким образом возникла нынешняя система идей, не имея никакого представления о том, как отдельные мыслители пробивались к решению проблем прошлого. Понимание истории экономики даёт перспективу. История экономики показывает примеры того, что способность анализировать проблемы меняется со временем, и не всегда в лучшую сторону, как и в мире биологических видов – мыслители прошлого часто, по крайней мере, не уступали в проницательности нашим современникам.

¹ Термин «серендипность» был введён в оборот Хорасом Уолполом. Он обозначает открытие, сделанное случайно.

Глава 2

Экономическая мысль античности и средневековья

В течение большей части человеческой истории экономика не существовала отдельно от общественной мысли вообще. Даже в восемнадцатом веке Адам Смит рассматривал экономику как одну из составляющих юриспруденции. Это обстоятельство затрудняет поиск первых законов экономического мышления, не потому что размышления об экономике отсутствовали начисто, а потому что линии демаркации между общественными науками были размытыми. Считается, что экономика обособилась, когда она стала идентифицироваться с саморегулирующимся рыночным процессом, а открытие рынка как саморегулирующегося процесса было феноменом восемнадцатого века. Однако зёрна экономического анализа были посеяны задолго до восемнадцатого века, в Древней Греции.

Экономическая наука древних греков

Древние греки привнесли в экономическую науку рациональный подход к общественной науке в целом. В мейнстриме экономической теории их экономику описывают как «предрыночную», не потому, что в ней отсутствовала торговля, а, скорее, в том смысле, что продукция была не унифицированной, ею не обменивались на организованных товарных биржах, её не подвергали анализу ради неё самой. С 500 до 300 гг. до н. э. политическая и экономическая жизнь была подчинена войне. Греческие мыслители были озабочены, в основном, экономической и организационной эффективностью, их мировоззрение было антропоцентричным, а не механистическим. Другими словами, человек был мерой всех вещей. Древние греки возлагали большие надежды на исследования того, как можно максимизировать счастье человека, но они не открыли саморегулирующегося рынка, являющегося сущностью современной экономической науки.

Древнегреческая культура признавала две противоречащие друг другу концепции индивидуализма. С одной стороны, авторитарный правитель был наделён властью принимать административные решения ради общественного блага. Это вело к развитию рационального прогнозирования, основанного на идее об абстрактно определённой личности как о базовой ячейке общества. С другой стороны, каждая семья была патриархальной и нацеленной на успех, что вело к развитию представления об отдельном гражданине как о главной инстанции по принятию решений. Эти две противоречащие друг другу формы индивидуализма, способствовали официальному акцентированию в греческом обществе личного управления домашним хозяйством и гедоническому расчёту с точки зрения разумного эгоизма.

Поскольку греки концентрировались на элементах человеческого контроля, они больше совершенствовали административное искусство, чем экономическую науку. Их экономика была незатейливой и простой. Она состояла из сельского хозяйства в его изначальном виде и ограниченной площадной торговли. У государства почти не было невоенных статей расхода; оно было, главным образом, средоточием религиозной и военной деятельности. В ходе детальной разработки сущности управления греки всё же развили аналитические структуры, важные для экономической теории. В частности, следующие компоненты современной экономики берут своё начало в греческой мысли: гедонический расчёт, субъективная ценность, убывающая предельная полезность, эффективность и распределение ресурсов. Главными писателями, которые внесли свой вклад в экономический анализ, были Ксенофонт, Платон, Протагор и Аристотель.

Ксенофонт об организации, стоимости и разделении труда

Произведения Ксенофонта (прим. 427–355 гг. до н. э.) – панегирик искусству администрирования. Солдат, отличившийся в боях, и ученик Сократа, Ксенофонт формулировал свои идеи с точки зрения отдельного принимающего решения руководителя, будь то военный командир, общественный администратор или глава домашнего хозяйства. Он рассуждал об эффективных, в противоположность неэффективным, линиях поведения. В своей «Экономике» он исследует правильную организацию и администрирование частных и общественных дел, тогда как в своей работе «О доходах» он даёт рецепт экономического возрождения Афин середины четвёртого века до н. э.

Он полагал: хороший управленец стремится к тому, чтобы увеличить размер экономического прироста ячейки общества, начальником которой он является, будь то семья, город или государство. По Ксенофону, это достигается с помощью организации, мастерства и одного из самых основных экономических принципов, разделения труда. Ксенофонт приписывал любое увеличение и количества, и качества товаров этому организующему принципу. И он распространил его на анализ соотношения между концентрацией населения и развитием специализированных навыков и продуктов. Это озарение лежит в основе знаменитого изречения Адама Смита о том, что специализация и разделение труда ограничены объёмом рынка.

С современной точки зрения, ксенофоновский лидер – тот самый исключительный индивид, который организует действия людей – противостоит, скорее, силам природы, а не силам, действующим в рыночной экономике. Хотя лидер мотивирован получением выгоды для себя, стяжательство как таковое не считается «естественным». Для Ксенофонта, «естественный» экономический процесс состоит в том, что разумный человек, используя свои органы чувств и рассудок, извлекает из природы то, что необходимо для избегания дискомфорта и удовлетворения человеческих нужд. Это активное и рациональное поведение, направленное на получение удовольствия и избегания боли, было официально признано в доктрине гедонизма, части греческого менталитета. Много веков спустя эта же самая идея всплыла в субъективистской теории ценности, ставшей отправной точкой развития неоклассической экономики.

Очевидно, что концепция субъективной стоимости Ксенофонта предвещает современную экономическую мысль. В одной из своих работ, которая называется «Герой», Ксенофонт отмечает, что человек, живущий скромно, находится в лучшем положении, чем человек, перед которым стоит множество лишних блюд. Суть здесь в том, что дополнительное удовлетворение, извлекаемое человеком из потребления, уменьшается по мере того, как увеличивается потребляемое количество еды, это идея, со временем, вошла в экономический анализ как принцип уменьшающейся предельной полезности. Также Ксенофонт пытался нащупать какое-либо значимое различие между чисто индивидуальной субъективной концепцией ценности и более объективной общей концепцией богатства, или собственности. Сделанный им вывод заключается в том, что богатство является относительной концепцией. Таким образом, в своём рассуждении о распоряжении имуществом, он заметил, что одни и те же вещи являются богатством и не являются им в зависимости от того, понимает или нет тот, кому они принадлежат, как их использовать.

Мысль о том, что ценность происходит из удовольствия, приносимого неким товаром, а не из самого по себе этого товара, является центральной в теории полезности в экономике. Это обращение к субъективной оценке хорошего в противоположность плохому было посылом греческой мысли со времени первых софистов до Аристотеля.

Платон и административная традиция

Между тем, как Ксенофонт концентрировался на практической сущности руководства и политики, Платон (приблизит. 427–327 гг. до н. э.) анализировал политическую и экономическую структуру государства в целом. Оба писателя разделяли общий взгляд на человеческий фактор как на первичную переменную политической экономии и искусства управления государством, но Платон исследовал оптимальный общественно-экономический строй посредством исследования и совершенствования морального императива справедливости. По представлению Платона оптимальное государство есть жёсткое, статичное, идеальное состояние всего общества, любое вообще изменение которого считалось регрессивным.

Расширяя концепцию, которую исследовал Ксенофонт, Платон доказывает, что город обязан своим существованием специализации и разделению труда. Он писал, что город, или государство, является ответом на человеческие потребности, потому что мы несамодостаточны и имеем множество нужд, по этой причине люди собираются вместе благодаря взаимному обмену, торгу, в ходе которого каждый полагает, что извлекает выгоду из этого торга. На город можно смотреть со многих различных точек зрения. Со строго экономической точки зрения, город представляет собой относительно большой рынок для обмена товарами и услугами. Таким образом, вышеприведённая выдержка ведёт нас к теории обмена. Специализация создаёт взаимозависимость, а зависимость друг от друга устанавливает взаимный обмен. Хотя Платон не пошел настолько далеко, чтобы основать настоящую теорию обмена, он действительно взялся за выяснение природы экономического распределения – что неизбежно при любом исследовании справедливости.

По Платону специализация и разделение труда устанавливают эффективность и производительность. Как тогда должно распределять плоды эффективности и производительности? Платон отвечал, что товары и услуги должно распределять через рынок, с деньгами в качестве символа торговли. Но, в типично греческой манере, он не считал, что рынок способен к саморегуляции. Рынок, как и государство, требует административного контроля. Элементами контроля, отстаивавшиеся Платоном, были бумажные деньги, ими необходимо было управлять, чтобы устранить прибыль и ростовщичество, и определённые «законы» справедливости (напр., обычаи и традиции), имевшие бы результатом установление распределения долей согласно строгим математическим принципам. Чёткие аналогии идеям Платона имеются в современном институционализме.

Придерживаясь административной традиции Древней Греции, Платон основывал своё идеальное государство на мудром и эффективном руководстве. Ксенофонт создавал, что из людей, нацеленных на поиск прибыли, получаются хорошие управленцы до тех пор, пока их произвол обуздывается административным контролем. Платон далее подкреплял свою мысль, изобретая необходимые инструменты контроля. Убеждённый в том, что все виды прибыли (включая ссудный процент – прибыль от денег) были угрозами существующему порядку вещей, он пускался в пространные рассуждения с тем, чтобы оградить своих лидеров от всякой коррупции. Верный административной традиции, он воздвиг идеальное государство на фундаменте мудрого и эффективного руководства. Он предложил, чтобы на руководителей была наложена обязанность жить в соответствии с принципами коммунизма, чтобы их не искушало приобретение вещей, и чтобы они не отвлекались от задачи мудрого управления государством. Он искал способы сделать из солдат философов, чтобы сформировать правящий класс «стражей», сочетающих в себе силу и дисциплину воина с мудростью и разумом учёного. Осознавая преимущества специализации и разделения труда, Платон отстаивал необходимость некоей «классовой специализации», в соответствии с которой одна из элитных групп талантливых и благородных правителей была бы обучена руководить политической экономией.

Протагор и гедонический расчёт

Тогда как Платон был абсолютистом, Протагор (приблизит. 480–411 гг. до н. э.) был релятивистом. Его субъективизм иллюстрирует приписываемая ему знаменитая максима: «Человек есть мера всех вещей». Другими словами, хоть истину найти нельзя, пользу можно. Согласно Протагору, решать, что составляет общественное благо и как его достичь, дело граждан государства. Как будто в противовес абсолютной власти Платона, Протагор превозносил демократический процесс. Он верил в здравый смысл, а не в науку, и в практический опыт общества в противоположность доктринам теоретиков морали и политики. Не удивительно, что Платон был одним из его главных критиков.

Субъективизм Протагора основан на взаимодействии человеческого восприятия и физических феноменов. Сформулированный в то время, когда считалось, что зрение существует благодаря свету, испускаемому глазом (а не входит в него), он предполагает, скорее активный, а не пассивный взгляд на индивидуализм. Общеизвестно, что Протагор сказал: «каждый из нас является мерой вещей, которые существуют, и тех, которые не существуют. Тем не менее, огромная разница между одним человеком и другим заключается только в этом: вещи, которые являются и воспринимаются человеком, отличаются от того, чем они являются и как воспринимаются другим». Таким образом, для Протагора, в отличие от Платона, тема средств была гораздо важнее темы целей. Предполагалось, что социальная стабильность должна быть гарантирована индивидуальным участием в выборе целей. Подобно всем древнегреческим философам, Протагор питал интерес к влиянию, оказываемому руководством и администрированием, но он настаивал на том, что надлежащая роль администратора/руководителя заключалась в том, чтобы давать советы, а не безраздельно править. Мысль Протагора дошла до нас только из вторичных источников. Тем не менее, софисты, из которых Протагор был одним из самых ранних и великих, определённо посеял семена некоторых идей, которым было суждено расцвести в девятнадцатом веке.

Аристотель и двусторонний обмен

Аристотеля (приблизит. 384–322 гг. до н. э.) интересовал аналитический потенциал сравнения измерения полезности. В его работах «Топика» и «Риторика» он представил систематизированное рассмотрение элементов выбора, свойственных принятию решения на общественном уровне. Важнее всего для современной экономической теории то, что Аристотель рассуждал о стоимости с точки зрения инкрементных сравнений. Однако, его систематические сравнения стоимости, основанные на субъективной предельной полезности, развивались в направлении, совершенно не имеющем отношения к теории стоимости. Скорее всего, аристотелевский анализ обмена был попыткой определить критерий справедливости, на котором зиждилось законодательство Афин. Как бы то ни было, в аристотелевском анализе обмена соображения справедливости господствовали над соображениями экономической целесообразности.

Важно отметить, что Аристотель взялся за анализ изолированного обмена в противоположность рыночному обмену. Эта разница особенно подходит для понимания процедуры и следствий аристотелевской модели. Экономисты определяют изолированный обмен как обмен товарами двух сторон при пересечении их собственных субъективных предпочтений, без всякой связи с другими альтернативными возможностями рынка. Рыночный обмен, с другой стороны, имеет место, когда отдельные участники торговли приходят к принятию своих решений исходя из понимания непрерывной, повсюду проникающей торговли между большим количеством участников на организованном рынке с доступной информацией о нём. В рыночном

обмене, общеизвестная цена является конечным результатом объективного сложения конкурирующих интересов множества покупателей и продавцов. При изолированном обмене, напротив, не существует текущей рыночной цены. В отсутствие взаимодействия больших количеств участников рынка, справедливость каждой сделки может быть определена незаинтересованной третьей стороной, например, арбитром или судьёй. Более того, оценка должна производиться для каждого отдельного случая. Изолированный обмен был одним из обычных явлений для Аристотеля, и он остаётся совершенно обыденным делом и сегодня в доиндустриальных экономиках с неунифицированными товарами.

Природа общественного строя. Аристотель, несмотря на то, что был любимым учеником Платона, отверг концепцию идеального государства своего учителя. Вместо этого, он отдавал предпочтение смешанной экономике, которая допускала больше воздействия экономических стимулов. В отличие от Платона, Аристотель отстаивал право на частную собственность для *всех* классов, на том основании, что это способствует экономической эффективности, служит источником общественного спокойствия и поощряет развитие моральных качеств.

В дни Аристотеля, афинское государство функционировало в большой степени как распределительная экономика. Богатство и привилегии распределялись в соответствии с обычаями, традицией и государственными директивами. Среди вещей, подлежащих распределению, были: всякого рода почести, бесплатное питание, общественные увеселения, rationy зерна, прибыли от серебряных рудников в Лориуме, а также выплаты многим гражданам за присутствие на судах в качестве присяжных заседателей и за присутствие на общественных собраниях. На жаргоне современной социальной теории, эти права были прерогативой каждого гражданина Греции. Аристотель считал эти права защитой от бесконтрольной демократии. Таким образом, главным предметом его интереса был вопрос о справедливости распределения разного рода благ.

Природа торговли. Именно на этом фоне необходимо оценивать аристотелевский анализ двустороннего обмена. Он рассматривал обмен как двусторонний процесс, при котором, в результате обмена, обе участвующие стороны обогатятся. Побуждение к обмену существует в том случае, когда каждая из сторон потенциальной торговой операции имеет некий избыток, с которым участники торговли охотно расстанутся в обмен на товары друг друга. Поэтому, обмен построен на понятии обоюдности. С этого пункта, анализ принимает направление, скорее, судейское, а не коммерческое. Этот факт является первостепенным в следующем отрывке, в котором Аристотель анализирует бартерную торговлю:

Пропорциональное воздаяние получается при перекрестном попарном объединении. Так, например, строитель дома будет А, башмачник – В, дом – Y, башмаки – S. В этом случае строителю нужно приобретать [часть] работы этого башмачника, а свою собственную передавать ему.

Если сначала имеется пропорциональное равенство [работы], а затем произошла расплата, получится то, что называется [правосудным в смысле справедливого равенства]. А если нет, то имеет место неравенство, и [взаимоотношения] не поддерживаются; ничто ведь не мешает работе одного из двух быть лучше, чем работа другого, а между тем эти [работы] должны быть уравнены. Так обстоит дело и с другими искусствами: они были бы уничтожены, если бы, производя, не производили² определенного количества и качества, а получая это, не получали бы [как раз] такое количество и качество. Ведь [общественные] взаимоотношения возникают не тогда, когда

² Нечто.

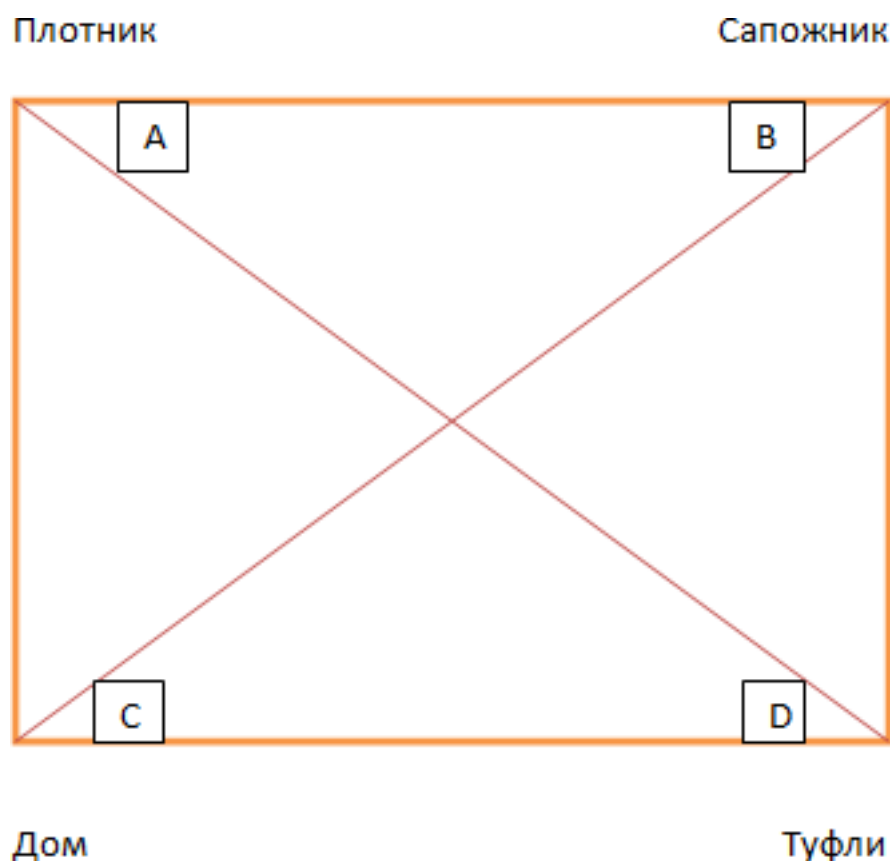
есть два врача, а когда есть [скажем], врач и земледелец и вообще разные и неравные [стороны], а их-то и нужно приравнять.

Поэтому все, что участвует в обмене, должно быть каким-то образом сопоставимо. Для этого появилась монета и служит в известном смысле посредницей, ибо ею все измеряется, а значит, как преизбыток, так и недостаток, и тем самым сколько башмаков равно дому или еде. Соответственно отношения строителя дома к башмачнику должны отвечать отношению определенного количества башмаков к дому или к еде. А если этого нет, не будет ни обмена, ни [общественных] взаимоотношений. Не будет же этого, если [обмениваемые вещи] не будут в каком-то смысле равны. Поэтому, как и было сказано выше, все должно измеряться чем-то одним. Поистине такой мерой является потребность, которая все связывает вместе, ибо, не будь у людей ни в чем нужды или нуждайся они по-разному, тогда либо не будет обмена, либо он будет не таким, [т. е. не справедливым]; и, словно замена потребности, по общему уговору появилась монета; оттого и имя ей «номисма», что она существует не по природе, а по установлению (поμοί) и в нашей власти изменить ее или вывести из употребления.

Итак, расплата будет иметь место, когда справедливое равенство установлено так, чтобы земледелец относился к башмачнику, как работа башмачника к работе земледельца («Никомахова этика»).

Этот отрывок плюс другие принадлежащие Аристотелю замечания на эту тему, стали предметом дотошного и повторяющегося рассмотрения для писателей-схоластов средневековья, в течение которого западная мысль осторожно, крошечными шагами продвигалась к осмыслению того, что есть предложение и спрос. Аристотелевский анализ, из-за того, что смысл его был туманным, и он не был сфокусирован на изучении рынка, не слишком приближает нас к анализу рыночной цены. Не понятно ни на какой тип пропорции намекает Аристотель в приведённом выше отрывке, ни что означает взаимность (или даже равенство) в этом контексте.

Позже разные писатели пытались придать геометрическую форму аристотелевскому анализу. Так, Николай Орем предложил диаграмму, представленную на Рис. 2–1. К сожалению, эта геометрическая «модель» не проливает свет на фундаментальные проблемы экономики. Несмотря на кажущуюся схожесть с современными кривыми спроса и предложения, перекрещенные диагонали на Рис. 2–1 не являются функциональными отношениями в математическом смысле. Далее, в нём отсутствует представление о цене, хотя и имеется предположение о некоем виде равновесия, которое уравнивает субъективные полезности. Сверх того, эта схема ничего не проясняет ни относительно распределения прибыли между двумя торговцами, ни о справедливости обмена, ограниченного некими произвольно выбранными рамками.

РИСУНОК 2–1. Диаграмма Николая Орема, иллюстрирующая аристотелевский анализ двустороннего обмена.

Непрекращающаяся путаница относительно аристотелевской модели обмена не должна умалять тот факт, что она стала одним из важных оснований для продолжительной дискуссии о стоимости, возникшей впоследствии, в Средние Века (мы будем обсуждать это ниже). Тем не менее, если уж на то пошло, аристотелевская модель обмена утвердила важные предпосылки для торговли, и эти исходные условия стали составной и неотъемлемой частью экономического анализа. Например, Аристотель чётко сформулировал следующие суждения: а) Торговля возникает только при наличии излишков; б) У торговцев должны быть различающиеся субъективные оценки ценности любой прибыли; в) Торговцы должны установить некий вид отношений, подразумевающий осознание потенциальной взаимной выгоды от обмена; г) Если при изолированном обмене возникает спор относительно отдельного случая распределения доходов, правильные доли их должны определяться административной властью, принимающей во внимание общепринятые правила справедливости и интересы государства.

Аристотель также оказал весьма ощутимое влияние на теорию стоимости в некоторых других направлениях. Например, в своей книге «Толика» он заметил, что «вещь более желанна в том случае, если, прибавленная к меньшему благу, она делает целое большим благом». Он также принимал во внимание проблему редкости и полезности при использовании, намекая на знаменитый парадокс о воде и бриллиантах, которому Адам Смит придал законченный вид. Аристотель в «Толике» отметил, что «то, что является редкостью, большее благо, чем то, что имеется в избытке». Добавляя, что «то, что часто оказывается полезным, превосходит то, что редко оказывается полезным», Аристотель цитировал Пиндара, утверждавшего, что «лучшая из вещей – это вода». Его классификация человеческих потребностей в «Политике» стала предвестницей теории великого австрийского экономиста Карла Менгера.

Аристотель о деньгах и процентах

Аристотелевская теория денег дала рациональное объяснение как происхождению денег, так и их функциям. Приведённая выше выдержка из «Этики», касающаяся природы взаимной торговли, демонстрирует, что в его представлении деньги были стандартом рыночной цены и средством обмена. Аристотель также признавал деньги в качестве хранилища рыночной цены заметив, что «если нам не нужна вещь в данный момент, мы можем приобрести её, если когда-нибудь она нам понадобится – как если бы деньги были нашей гарантией этого; ибо должно быть возможным для нас получить то, что мы хотим, если мы принесём деньги» («Никомахова этика»). Некоторые учёные даже доказывают, что современное представление о деньгах как об обусловленном контрактом стандарте отсроченного платежа подразумевается в аристотелевском анализе ростовщичества.

Конечно Аристотель писал до создания бумажных денег и банковской системы, но он, тем не менее, перечислил требуемые от денег характерные свойства в четвёртом веке до нашей эры, когда золото было общепринятой валютой. Хотя золото было заменено бумажными деньгами, которые мы имеем сегодня, их характерные свойства, сформулированные Аристотелем, тем не менее, настолько же значимые сейчас, насколько они были значимыми тогда. Пять характерных свойств, установленных Аристотелем, таковы:

1. *Долговечность*. Золото становится хорошими деньгами, потому что оно не испаряется, не плесневеет, не ржавеет, не крошится, не ломается и не ржавеет. Золото является инертным металлом, что делает его долговечным средством обмена.

2. *Делимость*. Будь то золотой слиток, золотой песок или деньги, один грамм золота равен в точности 1/100 ста граммов золота. Таким образом, его можно разделять без потери его стоимости. По сравнению с ним, если мы делим алмаз, его стоимость может быть уничтожена.

3. *Удобство в использовании*. Золото позволяет его владельцу носить с собой свои деньги. Недвижимость остаётся на своём месте, и количество эквивалентной стоимости других металлов может быть слишком большой, чтобы его переносить.

4. *Однородность*. Существует только одна шкала для 24-каратного золота, поэтому нет опасности иметь 24-каратное золото, которое будет различаться по качеству. Чистое золото одинаково в каждое время и в каждом месте, потому что оно является естественным элементом в отличие от поделочных камней, произведений искусства, земли, зерна или других товаров.

5. *Подлинная стоимость*. Помимо денег у золота есть много других применений. Из всех металлов оно самое ковкое, самое вязкое и наименее реактивное. Наряду с серебром (другая широко используемая форма денег в древности), оно лучше всех проводит тепло и электричество.

Интерес Аристотеля к проблеме справедливости и административной сущности экономики привёл его к дискуссии о деньгах как о предмете накопительного поведения и, в частности, к рассмотрению ссудного процента как «неестественного» дохода. С точки зрения современной экономической мысли, накопительное поведение есть здоровое проявление стремления к обогащению, которое, как было продемонстрировано, приносит благотворные результаты благодаря ограничениям, налагаемым на него конкуренцией. Однако, для греческой мысли того времени, не вместившей саморегулирующегося характера рынка, накопительное поведение представляло собой угрозу социальной и экономической стабильности. Аристотель считал, что отчуждённые деньги сделали возможным «ненужный» обмен, которому должно препятствовать в «хорошем» государстве. В контексте Древней Греции, ненужный обмен – это обмен без естественных пределов. В противоположность необходимому обмену

между домашними хозяйствами, сдерживавшимся ограниченными потребностями семьи и уменьшающейся предельной полезностью, ненужный обмен (например, розничная торговля) совершается только с целью накопления денег ради денег. Иначе говоря, Аристотель, хотя и признавал использование обмена для удовлетворения (естественных) индивидуальных или коллективных потребностей, не одобрял его использования в качестве средства для накопления богатства. Поскольку у такого накопления не было естественного предела, непрекращающаяся погоня за ним была чревата риском обнищания многих для процветания малого числа людей.

Для Аристотеля естественное использование денег заключалось в том, чтобы их тратить. Он рассматривал сбережение денег, или накопление денег ради самих денег, как неестественное, и поэтому осуждал его. Постольку поскольку невозможно ссужать деньги без предварительного накопления их, также и займы были под подозрением. Именно такой ход мысли лежит в основе вынесения Аристотелем обвинительного приговора ссудному проценту как «неестественному». Аристотель осуждал ссудный процент, он всегда приравнивал его к ростовщичеству на том основании, что, по его мнению, нет причины, по которой нечто, являющееся просто средством обмена, должно увеличиваться, переходя из рук в руки – не «естественно», чтобы деньги умножались таким способом. К сожалению, он никогда не брался за вопрос о том, почему, прежде всего, выплачивается ссудный процент. Другими словами, Аристотель не развил какой бы то ни было теории процента, даже не смотря на то, что у него была примитивная теория денег, к которой он привязал ссудный процент.

Рациональный подход к общественным наукам был тем, что внесли греки в западную мысль. Их идеи установили определённый континуум, протянувшийся от микроэкономических ценностей базовой единицы производства/потребления в масштабе домашнего хозяйства до макроэкономических ценностей счастья и самодостаточности гражданского населения во всей его совокупности. Они не сформировали представления о рынке как о саморегулирующемся механизме. Структура их анализа была антропоцентричной и административно-направленной.

Романский и раннехристианский вклад в экономику

Историки экономики могут вести дебаты относительно степени экономической активности в Древней Греции, но письменные источники указывают на то, что она была достаточно широкой, чтобы породить серьёзную, направленную на постижение сущности этого явления, мысль. К тому времени, когда Рим заменил собою Грецию в качестве центра западной мысли, во всей империи развились и распространились коммерческие интересы. А ко времени конца Римской Республики было достаточно экономических проблем – проблем торговли, финансов, войны, колонизации и рабства, называем немногие из них – чтобы дать работу легиону экономистов и государственных советников. Удивительно, поэтому, что в этот период было проделано так мало настоящей аналитической работы, связанной с экономикой.

Одним из возможных объяснений этой загадки может быть то, что общественная структура Древнего Рима не благоприятствовала чисто интеллектуальным интересам. Эта структура, с самого нижнего слоя населения и далее, состояла из рабов, крестьян, ремесленников и торговцев, и венчалась она гражданской и военной аристократией. Несмотря на то, что аристократия питала значительный интерес к греческой философии и искусству, они были для неё, скорее, любимым развлечением, а не профессией, поэтому то, что не произошло большого серьёзного аналитического продвижения в экономике, было предсказуемым результатом.

Основным великим достижением римского общества было законодательство. С точки зрения общества, оно было предметом особой гордости и славы одной из величайших империй в истории человечества. Римское право подразделялось на гражданское право, которое регули-

ровало отношения только между гражданами (*jus civile*) и на нечто вроде общего права, – хотя и не в общепринятом смысле, – которое управляло коммерческими и прочими отношениями между не гражданами и между гражданами и не гражданами (*jus gentium*). Эта последняя часть права стала хранилищем экономических принципов, которые позже стали отправной точкой экономического анализа, особенно, в Средние Века. Имущественное и договорное Римское право, например, стали впоследствии оплотом законодательных систем западного мира. Концепция естественного права, восходящая к Аристотелю, нашла свой путь в Римское право, в котором она использовалась как пробный камень для определения юридической обоснованности человеческого закона. В конце концов, современная доктрина корпорации восходит к Римскому праву. В целом, Римское право обеспечило структуру, на основе которой экономисты более поздних дней медленно, но верно, соорудили своё здание. Стоит отметить, что со времени падения Рима до конца восемнадцатого века, большая часть писателей об экономике были по профессии либо бизнесменами, либо адвокатами. Более того, если они были адвокатами, то либо священниками, обученными каноническому закону, либо обученными светскому закону юристами.

Подъём христианства частично совпал с упадком Римской Империи и предоставил другую разновидность цивилизующего влияния. Попытки Рима по водворению цивилизации на аннексированных территориях, можно сказать, начались и закончились установлением закона и порядка. Единственным посланием, которое он нёс тем, кто находился вне его юридических границ, была военная капитуляция. Возможно, по этой причине, то был изначально нестабильный общественный и политический порядок. Христианство принесло с собой другое послание, оказавшееся вдохновением и точкой отсчёта для миллионов людей, но оно было не особенно плодотворным для прогресса экономического анализа до последнего периода его развития.

Согласно ранней христианской мысли Царствие Небесное стояло при дверях, и поэтому она делала акцент на «сокровищах другого мира». Производство и материальное благосостояние были бы излишними в Царстве Бога Небесного. Действительно, земные сокровища считались препятствием для достижения Царствия Небесного. По прошествии времени наступление этого Царства стало казаться всё более отдалённым, и богатство стали рассматривать как дар Божий, предназначенный для того, чтобы обеспечить благосостояние человеку. Христианская мысль, поэтому, стала сосредоточиваться на «правильном» использовании материальных благ, идее, пронизывавшей средневековую экономическую мысль.

Все высказывания о материальных благах носили характер моральных увещаний, они не были шагом по направлению к анализу, это можно сказать о ранних трудах, включающих святых Св. Джона Кризостома (приблизит. 347–407), Св. Иеронима (приблизит. 347–419), Св. Амвросия (приблизит. 339–397) и, в меньшей степени, Св. Августина (приблизит. 354–430). Августин пошёл дальше других в том, чтобы проложить дорогу субъективной теории стоимости, согласно которой потребности индивидуально определены.

Вообще говоря, ранние христианские писатели относились к экономическим темам с безразличием, если не с враждебностью. Они были, главным образом, заинтересованы моральной стороной человеческого поведения.

Китайская экономика в первом тысячелетии

Китай является одной из старейших цивилизаций мира, но из-за своей географической, культурной и языковой изоляции его интеллектуальная история остаётся недоступной многим представителям западной культуры. Чанг («История китайской экономической мысли») утверждает, что китайское экономическое мышление возникло, главным образом, во время династии Восточного Шу (771–249 до н. э.), периода, отчасти пересекающегося с веком греческой античности. В Китае эра была отмечена неуклонным упадком власти монархии и аристократии

с одной стороны и возникновением феодальных владений королевства в качестве независимых друг от друга государств. В экономическом плане производительность земли увеличилась; монетизация и специализация труда росли; появлялись торговцы, города и рынки; и контраст между богатыми и бедными становился острее. Три группы писателей, конфуцианцы, законники и представители школы Мо брались за разрешение экономических вопросов в течение этого золотого века китайской философии.

Конфуций и его последователи

Как и его последователи в Древней Греции, Конфуций (551–479 до н. э.) был увлечён вопросами морали. Он пропагандировал этическую систему порядка, регулирующего все природные и общественные феномены, включая движение небесных тел, смену сезонов, подъём и упадок государств и все межличностные отношения. Если не принимать в расчёт слишком большой охват этой системы, имеются определённые параллели с греческой античностью. В конфуцианской системе межличностные отношения являются взаимными. Преемственность правителей основана на добродетели и способностях, а не на передаче власти по наследству. Государство основано на наборе этических норм и правил, кодифицированных легендарными мудрецами, и оно управляется людьми посредством морального влияния а не благодаря закону, принуждению или божественным духам. В иерархическом обществе Конфуция каждый человек играет уникальную роль, а общественная гармония достигается только если каждый человек понимает и выполняет свою роль. Идеальное общество Конфуция приводится в движение стремлением людей служить общему благу, а не их стремлению к личной выгоде. Эти идеи, какими бы простыми и прямолинейными они ни были, устанавливая границы для китайской экономической мысли на века вперёд. Главными среди перцептов Конфуция были:

1. Налоги следует извлекать из производственных способностей людей, и их следует ограничивать одной десятой производительности земли.
2. Государственные расходы, включающие в себя затраты на дворцы, следует подгонять под прибыли государства, а не наоборот.
3. Стандарты жизни должны соответствовать социальному статусу каждого человека, без крайностей расточительности и скупости.
4. Самой главной обязанностью правителя является обеспечение благосостояния людей.
5. Государство должно поддерживать общую установку невмешательства, тем не менее, обеспечивая благоприятные условия для производства и поддерживая справедливое распределение дохода, когда это необходимо.

Неопределённость этой программы (например, пункта 5) стали причинять всё больше беспокойства после смерти Конфуция и привели к спорам между его последователями относительно сущности человеческой природы и относительно надлежащей роли государства в экономике. Один из последователей Конфуция, Мэн-цзы (приблизит. 372–287 до н. э.) верил в то, что люди хороши по своей природе, и что государство должно обеспечивать общественное благосостояние, используя политику невмешательства; другой, Сунь-цзы (приблизит. 300–237 гг. до н. э.) придерживался того мнения, что людьми движут в основном дурные импульсы, и он был сторонником более авторитарного государства.

Законники

Хань Фэй-цзы (280–233 гг. до н. э.), один из последователей Сунь-цзы, верил – следуя за своим учителем – что люди мотивированы, главным образом, поиском собственной выгоды.

Хань Фэй-цзы верил в то, что общественный порядок и экономический прогресс произойдёт только от строгого, централизованного контроля поощрений и наказаний. Будучи уверенным в том, что конфуцианское общество функционировало бы хорошо только если отдельные люди направлялись бы моральными принципами а короли были бы мудрыми правителями, Хань Фэй-цзы доказывал, что в действительности общества возглавляются только посредственными правителями, и что алчность является скорее правилом, чем исключением из него. Другой законник, администратор-новатор, Куан-чунг (приблизит. 730–654 гг. до н. э.) отвергал конфуцианские методы децентрализации, увещевания и личной добродетели в пользу централизованной государственной власти и законных механизмов контроля. Его последователи, энергично работая, чтобы искоренить остатки аристократии в китайском обществе, писали на такие темы, как денежная и фискальная политика, государственная монополия, стабилизация цен, население, сельское хозяйство и торговля.

Представители школы Мо

Предводителем третьей школы экономических мыслителей был Мо-цзы (приблизит. 479–438 гг. до н. э.), который учился у последователей Конфуция, но позже отверг их учения. Разочарованный конфуцианцами, предававшимися получению прибыли для себя, а не следованию принципам, которым они учили, Мо-цзы увидел неудачу конфуцианцев в том, чтобы иметь дело с существующим хаосом и нищетой как изъян их мышления. Как и конфуцианцы, представители школы Мо пытались содействовать экономической гармонии и благосостоянию при существующих монархических режимах, но они расходились по вопросам внедрения этих гармонии и благосостояния. Мо-цзы верили в некую разновидность вселенской братской любви как антидота к естественной склонности человечества к эгоизму и несправедливости. Он был против классовых различий, роскоши и бахвальства. Он был сторонником социальной мобильности, мира, порядка, национального богатства и большого населения. Его концепция разделения труда, сосредоточиваясь на преимуществах специализации, была весьма продвинутой для своего времени. Мо-цзы был совершенно уверен в эффективности государства, если оно направляется дисциплинированной иерархией и сувереном, в руках которого сосредоточена централизованная власть. Он организовал своих последователей согласно строгим военным и авторитарным принципам, которые поощряли религиозное рвение и авторитарный дух, которым не было равных в древнем Китае.

Такого рода разнообразие мысли способствовало, скорее, освещению спорных экономических проблем, а не созданию однородного поля экономического анализа. Подобно своим греческим коллегам в древнем западном мире, китайские философы поместили свои экономические исследования в обрамление морали и этики. На их анализы влиял институциональный уклад обществ, в которых они жили. В таких обществах о рынке никогда не думали как о механизме, способном к саморегуляции благодаря свободной игре отдельных своекорыстных интересов. Поэтому, совершенно естественно, что экономика рассматривалась как отрасль моральной философии – тенденции, продолжавшейся как на Востоке, так и на Западе вплоть до восемнадцатого века.

Средневековая арабо-исламская экономика

Между тем, как вклад философов Древней Греции в экономический анализ иногда вызывает споры, влияние арабо-исламской мысли последовательно игнорировалось. Тем не менее, историки признают, что смерть последнего римского императора в 476 году возвестила долгий вековой упадок на Западе и сопутствующий ему подъём благосостояния на Востоке. На про-

тяжении пяти веков, с 700 по 1200 гг. н. э., ислам лидировал в мире по степени концентрации власти, организации и размаху государственности; в степени совершенства общественного уклада и в стандартах жизни; в литературе, образованности, науке, медицине и философии. Более того, именно мусульманская наука сохранила и развила греческую математику, физику, химию, астрономию и медицину в течение этой половины тысячелетия, тогда как Запад погружался в так называемые Тёмные Века. К 730 году мусульманская империя простиралась от Испании и южной Франции до границ Китая и Индии; то была империя замечательной силы и утончённости. Благодаря своей протяжённости арабский мир стал мостом, через который греческая и индийская мудрость и культура путешествовали на Запад. Возможно самым значимым, особым новаторством была система записи чисел, которую арабские учёные подарили Западу. Арабские цифры заменили неуклюжие римские цифры предыдущей империи. Вдобавок, один из наиболее эксцентричных арабских математиков, Альхазен, основал современную теорию оптики около 1000 года. Но, что касается наших целей, самым важным вкладом арабской культуры было возвращение Аристотеля Западу.

Значительных размеров комплекс экономического знания приписывают не менее тридцати арабским учёным средневекового периода, которые, подобно церковникам средневекового христианского мира, которых мы будем обсуждать в следующем разделе, сосредоточивались на возможности примирения разума с религиозной верой. Они рассматривали экономику не как самодостаточную цель, но как средство для достижения цели. Целью было спасение; однако экономическая деятельность рассматривалась как часть земной борьбы за достижение райской жизни. Можно сказать, что мусульманское общество верило в *homo Islamicus*, а не в *homo oeconomicus*. Таким образом, мусульманская философия не задавала себе вопросов относительно того, являются ли определённые экономические формулировки истинными или ложными, она спрашивала себя о том, как мусульманские писатели трактовали экономические идеи в их отношении к этическим и политическим принципам. В Исламе нет традиции безусловного закона, полученного, логическим путём, человеческим разумом. Закон извлекается из Шариата, он есть выражение божественной воли, из которой юристы и теологи развивают этические, общественные и экономические принципы. Это делает проблематичным сравнение мусульманской экономики с экономикой Запада. Тем не менее, краткий обзор средневековой экономической мысли служит тому, чтобы подчеркнуть преемственность философского исследования древних греков и средневековых европейских учёных. Ограничения формата данной книги не позволяют сделать здесь исчерпывающий обзор всей средневековой арабской интеллектуальной традиции. Вместо этого, мы сосредоточимся на главном звене в цепочке исламской мысли на протяжении от одиннадцатого по четырнадцатый век.

Абу Хамид Аль-Газали (1058–1111 гг.) является зеркалом этой традиции. Он развил то, что можно было бы назвать функцией общественного благосостояния, основанной на соображениях полезности (*масалих аль-мурсала*) и пагубности (*мягасид*) для общества. Несмотря на то, что спасение является конечной целью человеческих поступков, ведение экономической деятельности является необходимой частью достижения этой цели, потому что без этой деятельности человеческие существа погибли бы (*Ихья*, 2:32, «Газанфар и Ислахи»). Экономическая эффективность, по этой причине, является просто одним из аспектов осуществления религиозных императивов человека (*Ихья*, 2:249, 3:236; *Мизан*, 377 – в «Газанфар и Ислахи»). Следуя Аристотелю, Аль-Газали подчёркивал «серединный путь» или «золотую середину» и «правильность» намерений во всех действиях. Если намерения согласованы с божественной волей, утверждал он, тогда экономическая деятельность становится чем-то вроде богослужения – частью призвания человека (*Ихья*, 2:83 – в «Газанфар и Ислахи»). Он признавал три источника богатства: индивидуальный заработок; прибыль от торговли; приобретения, сделанный путём завоевания или географических открытий. Поскольку он делал науку, философию и разум подчинёнными религии и теологии, европейские схоласты (смотрите следующий раз-

дел) принимали многие из его взглядов и делали их частью своей средневековой философии. Аль-Газали сделал особые вклады в четыре главные области экономической мысли: (1) сознательный обмен и рынки; (2) природа производства; (3) деньги и процент; и (4) общественные финансы.

Для Аль-Газали рынки – механизм, внутри которого происходит сознательный обмен товарами – эволюционирую как часть естественного порядка вещей. Торговля добавляет стоимости товарам, делая их доступными в подходящее время и в подходящем месте. Люди склонны к приобретательству по своей природе, и они будут пытаться максимально улучшить своё индивидуальное положение. Несмотря на то, что он не рассматривал накопление богатства как благороднейшее из занятий, он признавал его как важное для надлежащего функционирования прогрессивной экономики. Взаимность обмена делает необходимым специализацию и разделение труда в том, что касается ресурсов и религии, что ведёт, среди прочего, к созданию мотивированных получением выгоды посредников. Несмотря на то, что Аль-Газали не уловил современного метода анализа спроса и предложения, его дискуссия о ценах и доходах легко вписывается в современную структуру экономики. У него было интуитивное понимание концепции ценовой эластичности, и примитивное понятие равновесно-рыночной цены. Как все средневековые писатели, Аль-Газали основывал своё обсуждение рынков на этически-моральном кодексе поведения, резко осуждавшем секретность, обман, манипуляции и спекуляцию.

Аль-Газали классифицировал производственные виды деятельности в терминах их общественной важности, подчёркивая фундаментальные исламские принципы долга и ответственности. Кроме своих моральных корней, его иерархия производства напоминает классификацию Адама Смита многими веками позже. Для Аль-Газали, объём выпущенной продукции распадается на первичное производство (сельское хозяйство), вторичное производство (промышленное производство) и третичное производство (услуги). Он рассматривал первую категорию как наиболее важную – даже до такой степени, чтобы требовать от государства, в случае необходимости, быть посредником. Но он сделал очевидным тот факт, что надлежащая общественная гармония требует активного достижения и поощрения всех трёх уровней производства. В рамках любого заданного уровня производства, Аль-Газали распознавал связи, существующие в производственной цепочке. Таким образом, он говорит о том, как фермер производит зерно, мельник превращает его в муку, а пекарь превращает муку в хлеб. Эти связи требуют как специализации разделения труда, так и кооперации и координации. Говоря об управлении домашним хозяйством, Аль-Газали описал то, как делают иглы, проходя через множество стадий производственного процесса – предвосхищая, таким образом, знаменитый пример с булавочной фабрикой, который Адам Смит привёл более половины тысячелетия спустя.

Аль-Газали признавал, что деньги эволюционировали таким образом, чтобы преодолеть недостатки бартера: в особенности, несовпадение нужд торгующих сторон. Он, по-видимому, был осведомлён о различии между ценностью при использовании и ценности при обмене, но он занял курьёзную позицию, состоявшую в том, что у золотых и серебряных денег не было внутренней ценности. Другими словами, он доказывал, что у золота и серебра нет другой ценности, кроме ценности при обмене. Несмотря на то, что этот довод невозможно доказывать сегодня, он послужил тому, чтобы подкрепить доводы Аль-Газали против накопления денег ради самих денег. Подобно Аристотелю, Аль-Газали доказывал, что ростовщичество вредно, потому что назначать процент за получение ссуд и одалживание денег отклоняет деньги от их ключевой функции, заключающейся в том, чтобы облегчать торговлю. В следующем разделе мы увидим, что эта функция денег была также увековечена европейскими схоластами.

Аль-Газали не стеснялся давать советы относительно надлежащей роли и функции государства, которые он считал необходимой институцией для того, чтобы гарантировать над-

лежащее функционирование экономики и отправления божественно упорядоченных общественных обязательств. Его положение в этом отношении отдаётся эхом через века ислама: «Государство и религия необходимые столпы упорядоченного общества. Религия является фундаментом, а правитель, представляющий собой государство, является его промультатором и защитником; если какой-нибудь из этих столпов слаб, общество распадётся» (*Ихья*, 1:17; *Мизан*, 297; *Совет*, 59 – в «Газанфар и Ислахи»). Хотя неотделимость религии от государства позже была отвергнута в некоторых западных традициях, другие аспекты системы Аль-Газали были приняты: например, его вера в то, что государство должно устанавливать мир, справедливость, безопасность и стабильность с тем, чтобы поощрять экономическое благосостояние. Его обсуждение общественных финансов, несмотря на то, что оно содержит глубокие проникновения в сущность некоторых экономических проблем, было ограничено религиозными, этическими и культурными перцептами ислама. Похоже, он отдавал себе отчёт в существовании принципа налогообложения получаемых благ и принципа платёжеспособности в налогообложении (как вопрос права справедливости, он защищал последний). Он одобрял государственные займы только при условии, если есть возможность гарантировать их погашение из прибылей в будущем. И он рассматривал общественное благо как законное использование общественных финансов, положительным образом ссылаясь на необходимость обеспечить оборону страны, образование своих людей, заботу о здоровье, претворение в жизнь законов и сооружение дорог и мостов.

У Аль-Газали было некоторое число учеников, повлиявших, в свою очередь, на других учеников, так что установилась последовательная линия экономического исследования (всегда вспомогательная отрасль морали) была установлена в одиннадцатом, двенадцатом и тринадцатом веках. Эта интеллектуальная традиция достигла своего апогея в четырнадцатом веке в работе Ибн Хальдуна (1332–1404 гг.). Именно Хальдун впервые сформулировал трудовую теорию стоимости, которая занимала умы классических экономистов восемнадцатого и девятнадцатого веков. Он писал на фоне драматического подъёма Османской империи, послужившего распространению средневековой исламской мысли ещё дальше, Хальдун предвосхитил Адама Смита по некоторому числу важных граней того, что стало политической экономией. Но, в этом усилии, его предшественниками были средневековые учёные христианской Европы.

Средневековая экономическая мысль

После того, как город Толедо был отвоёван у мавров в 1085 году, европейские учёные хлынули в этот город, чтобы перевести древних классиков. Древние тексты были переведены с греческого (который Европа забыла) на арабский и еврейский и, затем, на латинский язык. Таким вот образом их философские сокровища извлекались в течение последовавших ста лет учёными средневековой церкви – этой группой священников и философов, известных как схоласты. Подобно своим мусульманским коллегам, эти группы писателей писали в контексте доминирующего церковного вероучения, которым в этом случае было христианство.

Экономика в феодальном обществе

Доминирующей формой экономической организации в Средние Века был феодализм. То была система производства и распределения, в которой собственность на землю не была ни абсолютной, ни свободной от повинностей, как это было в Древнем Риме и снова должно было стать в современные времена. Вместо этого, король был носителем законных имущественных прав. Он жаловал земли большими наделами своим любимым военачальникам и дворянам, которые могли, в свою очередь, наделять землёй различных субарендаторов. «Владение» на уровне производства означало только *право* использования (узуфрукт), несмотря на то, что

это право проявляло тенденцию к тому, чтобы становиться наследственным. Тем не менее, узуфрукт остался зависящим от отправления определённых обязанностей: военных, личных и экономических.

Феодальная собственность стала в Средние Века средоточием политической власти. В средневековой Европе отсутствовала социальная, экономическая и политическая интеграция, являющаяся предпосылкой для сильной централизованной власти. Вследствие этого, каждый феодал был наделён многочисленными государственными функциями, которые он осуществлял на своей отдельной территории. Экономическое производство в условиях феодализма осуществлялось в феодальном поместье или сельскохозяйственном имении. Готовую продукцию производили в малых количествах, используя относительно примитивные сельскохозяйственные технологии. Трудились крепостные крестьяне, которые были привязаны к земле, а не к человеку, который ею «владел». Целью поместья была самодостаточность; торговля между регионами и/или странами была строго ограничена. В целом, экономическая и общественная структура поместья была во многих отношениях аналогична структуре полиса или греческого города-государства. Организационным принципом в обоих случаях был статус, а не договор.

Два главных факта, отличающие Средние Века от Греческой Античности – это доктринальное единство, обеспечивавшееся Римской Католической Церковью, и распространившиеся повсюду рыночные механизмы. Средневековое общество с некоторым сопротивлением взращивало нарождающийся капитализм по мере того, как экономические рынки (как готовой продукции, так и факторов производства) всё более вплетались в уклад повседневной жизни. Именно на этом фоне развивалась схоластическая экономика.

Схоластический экономический анализ

Общественная иерархия средневековой цивилизации была почти платонической по своей структуре. Население принадлежало либо к крестьянству (которое работало), либо к военным (которые сражались), либо к духовенству (которое созерцало). Только последняя группа подчёркивала важность знания, и таким образом, почти при всеобщем молчаливом согласии, духовенство стало вместилищем и хранителями этого знания. Средневековая экономика, поэтому, была продуктом, созданным духовенством, в особенности, группой образованных писателей, которых мы теперь называем схоластами. Именно они собрали воедино несколько направлений мысли, составляющие средневековую экономику: идеи, взятые у Аристотеля и из Библии, из Римского права и канонического закона.

Сегодня схоластическую экономику оценивают невысоко. О ней обычно думают как о сплетении ложных доводов о рыночной цене, процентной ставке и собственности. Несмотря на то, что большинство идей схоластов были исторгнуты из системы экономического знания, они были, некоторым образом, значимыми в мучительно долгой эволюции современной теории стоимости. Этот последний феномен заслуживает тщательного рассмотрения.

Схоластический метод. Метод схоластов состоял в следующем. Писатель ставил вопрос, затем сопровождал его пространным и подробным изложением мнения, которое нужно было либо опровергнуть, либо дать ему новую трактовку. В конце концов, давали ответ, противоположные мнения тщательным образом рассматривали, и подкрепляли ответ документами. Весь этот процесс был по своей природе дедуктивным, и зависел он не столько от правил логики или от человеческого опыта, сколько от веры и от авторитетности источников. Хотя этот метод может показаться нам решительно ненаучным, он был общепринятой процедурой в период средневековья. Было много мастеров этого метода, но пять из них особо выдаются в традиции аристотелевской теории стоимости. Эти пятеро: Альберт Великий (приблизит. 1206–

1280), Фома Аквинский (приблизит. 1225–1274), Хайнрих фон Фримар (приблизит. 1245–1340), Жан Буридан (приблизит. 1295–1358) и Джеральд Одонис (приблизит. 1290–1349).

В качестве блюстителей морального кодекса средневекового общества, духовенство было заинтересованно по большей части в справедливости, а не в торговле. Одной из форм справедливости является справедливость при обмене (или коммутативная справедливость), которая является именно тем вопросом, который затронул Аристотель в своей книге V, глава 5 *Никомахова этика*. Именно в ней Аристотель развил свою модель двустороннего обмена, и именно она стала отправной точкой для схоластической экономики. Текст анализа обмена Аристотеля, возможно, с самого начала фальсифицирован, но представляется верным то, что последующие переводы на арабский, еврейский и латинский языки не много способствовали тому, чтобы текст стал более прозрачным. По этой причине, возможно, нет ничего удивительного в том, что схоласты потратили четыре столетия, пытаясь распутать и прояснить его значение. В процессе схоластический анализ привнёс в примитивное понятие стоимости Аристотеля идею рыночного равновесия. Это обстоятельство также привело к тому, что экономические рассуждения пошли по двум расходящимся дорогам, которые не сходились на протяжении более половины тысячелетия: (1) определяемая издержками стоимость (2) и определяемая спросом стоимость.

Труд и затраты: анализ Альберта Великого. Альберт Великий, провинциал-доминиканец, епископ Регенсбурга и доктор церкви, был первым латинским последователем Аристотеля. Его место в истории экономики обеспечено двумя обстоятельствами: службой в качестве преподавателя у Фомы Аквинского, который впоследствии оказал огромное влияние на западную мысль, и его комментариями к Никомаховой этике, в которых он отликает идеи Древней Греции в форму средневекового общества, предоставляя точку отсчёта для всех последующих размышлений об обмене и о стоимости. Деятельность Альберта Великого была направлена на то, чтобы в западной мысли укоренилось устойчивое представление, что стоимость при обмене должна подчиняться затратам на производство. Преуспев в этом, он привёл в движение длинную цепь размышлений, которая принесла плоды только в девятнадцатом веке, особенно в работах Карла Маркса.

Более ранние комментаторы аристотелевской модели обмена, если не считать проблемы измерения стоимости, сделали немного в этой области. Самыми общими понятиями, использовавшимися для измерения стоимости, были деньги (*nummisma*) и потребность (*indigentia*). Но Альберт, доказывая, что существует естественный порядок и экономический порядок, в которых вещи оцениваются по-разному, утверждал, что предметы экономического порядка оцениваются в их отношении к труду (*opus*). В более общем смысле, он ссылаясь на «труд и затраты», упоминая об обоих элементах издержек одновременно. Простое осознание роли издержек в измерении стоимости не так важно, как то, как Альберт использовал это проникновение в сущность изучаемого явления. Он соотнёс издержки производства с «перекрещиванием» аристотелевской модели (смотрите рисунок 2–1), отмечая, что если рыночная цена не покрывает производственных издержек, производство со временем прекратится. То был важный аналитический прорыв по двум причинам: он предполагал, что цену можно было трактовать как равновесно-рыночную стоимость, и он устанавливал экономическую переменную (т. е., издержки) в качестве регулятора цены. Конечно, Альберт был далёк от того, чтобы представить интегрированное и систематическое объяснение определения рыночной цены, но ему, тем не менее, принадлежало важное для тринадцатого века достижение. Привнесение им в аристотелевскую модель труда оказалось прочно укоренившимся в экономической науке достижением. Из последующих глав этой книги мы узнаем, как много выгоды извлекли более поздние писатели из этого понятия.

Человеческие потребности: анализ Фомы Аквинского. Блестящий ученик Альберта, Фома Аквинский, не был в конфликте со своим учителем, но он пытался усовершенствовать теорию труда Альберта Магнуса, и способом достижения этой цели он видел акцентирование человеческих потребностей. Для этого Фома вернулся к Св. Августину, отмечая, что люди не всегда будут расставлять вещи в соответствии с их естественным порядком. Августин играл с субъективизмом, заявляя, что люди зачастую будут ценить драгоценность выше девушки-служанки. Но Фома поставил учение Св. Августина с ног на голову. В то время, когда Св. Августин обсуждал естественный порядок и экономический обмен вводил для контраста, Фома сделал прямо противоположное, выдвинув экономику на передний план. В одном смысле, тем не менее, Августин был более проницательным. Он, фактически, не делал различия между потребностью и удовольствием – подход, который мог бы ускорить ранее развитие теории спроса, если бы Аквинский принял его на вооружение. Вместо этого, он предпочёл вводить в свою экономику наставления морального характера, имевших тенденцию принижать значимость удовольствия. Вследствие этого, теория спроса Аквинского никогда не вышла за пределы простого представления о полезности для людей товаров по сравнению с их местом в естественном порядке мироздания.

Формальный научный вклад Фомы Аквинского в аристотелевскую теорию стоимости имеет два дополняющих друг друга аспекта. Во-первых, он вновь утвердил двойную единицу измерения товаров (ценность при использовании в противовес ценности при обмене), установленную Аристотелем; во-вторых, он ввёл потребность в формулу цены. Это последнее достижение особенно важно, потому что оно отметило самый ранний источник аналитической теории стоимости с точки зрения спроса. Аквинский доказывал, что цена варьируется в зависимости от потребностей. Таким образом, *indigentia* стала регулятором стоимости. Тем не менее, этот научный вклад был строго формальным. Аквинский не объяснил своей терминологии; он просто установил связь между потребностью и ценой. Но эта связь была приглашением для более поздних последователей Аристотеля вырабатывать более полную теорию стоимости, что они и сделали со временем. В схоластическом анализе, возникшем после Аквинского, концепция *indigentia* постепенно расширилась, включив в себя полезность, эффективный спрос и даже абсолютное желание.

Следует отметить, что учитель Аквинского, Альберт Великий, не обошёл вниманием в своём обсуждении стоимости ни потребность, ни издержки. Скорее, это тот случай, когда каждый со своей стороны помог более полно развить одну отдельную сторону этого аргумента. Вместе взятые, достижения этих двух средневековых мыслителей образуют довольно полное изложение теории стоимости с точки зрения спроса, хотя нужно было пройти ещё очень долгий путь, чтобы приблизиться к интегрированному, аналитическому пониманию рыночного механизма.

Действительно, мнение, разделяемое многими историками экономики состоит в том, что Аквинский считал механизмы рынка антагонистами справедливости. Сложно примирить средневековое понятие «справедливой цены» с современным понятием «рыночной цены», поскольку первое обычно защищают на нормативных основаниях, тогда как последнее считается объективным результатом стихийных сил рынка. Конечно, язык Аквинского допускал различные интерпретации, что подкрепляет общепринятое мнение о том, что его анализ был ошибочным.

Современные конкурентные рынки производят общественно «эффективные» цены только когда большие количества покупателей и продавцов, каждый из которых обладает надёжной информацией, взаимодействуют. Эти обстоятельства торговли не были распространены в Средние Века. Средневековая торговля включала в себя нескольких покупателей и продавцов, в некоторых случаях, приближаясь к техническим условиям двусторонней моно-

полии (один продавец, один покупатель). В этих условиях взаимозависимость «рыночной» цены и средних издержек производства была, в лучшем случае, очень слабой, и относительно легко было одному участнику торговли «эксплуатировать» другого. Таким образом, Фридман доказывает, что идея «справедливой цены» была, в сущности, разновидностью определённой в арбитражном порядке цены в результате процесса, включающего в себя установление принципов справедливости, нацеленных на соблюдение распределительной справедливости в вопросах торговли и на разрешение разновидности конфликта, эндемического по отношению к рынкам с ограниченным числом участников, не могущим «защитить» потребителей законом рынка с большим числом участников (т. е., с энергичной конкуренцией).

С аналитической точки зрения, понятие «справедливой цены» является туманной и нечёткой идеей, непригодной для рабочей теории, подходящей для экономической науки. Но, как и природа, экономика не делает внезапных, гигантских скачков вперёд – позже нам будет напоминать об этом Альфред Маршалл. В течение Средних Веков она, скорее, продвигалась ползком, а не делала скачков вперёд, но, тем не менее, она продвигалась в правильном направлении.

Агрегирование и дефицит: влияние Хайнриха фон Фримар. Аквинский разработал концепцию *indigentia* так, что она, главным образом, относилась к отдельному человеку. Но современное понятие спроса агрегированное в том смысле, что оно включает в себя потребности всех тех покупателей, являющихся участниками рынка. Следующим шагом схоластической традиции было думать об *indigentia* как об агрегированной единице измерения, и этот шаг сделал монах Августинского ордена, Генрих Фримарский.

Концепция *indigentia* схоластов отличается от технического современного понятия рыночного спроса. Это не потребное количество товара как функция цены; её значение гораздо менее точное, включающее в себя элементы как предложения, так и спроса. Это значение чаще всего приписывают содержащейся в схоластической литературе концепции о желательном количестве в отношении к тому, что доступно (т. е., спросу в условиях дефицита). Как мы теперь понимаем, настоящий аналитический прогресс в теории стоимости требовал разделения двух понятий спроса и предложения. Неспособность разделить спрос и предложение как элементы формулы стоимости был фундаментальным недостатком в аристотелевской модели рынка. К сожалению, этот недостаток так и не был до конца устранён схоластами, несмотря на их обширную традицию в этой области. Фактически, этот дефект был устранён гораздо позже, во время полного расцвета маргинализма в девятнадцатом веке.

Схоласты всё-таки делали прогресс, каким бы медленным он ни был. Именно так, как Аквинский направил смелый рывок Альберта Великого от издержек к факторам спроса, так Хайнрих переделал формулу Фомы в пользу агрегированного (т. е., рыночного) спроса. Хайнрих выдвинул несколько смешанное понятие о том, что стоимость определяется «обычной нуждой в чём-либо недостающем», концепция, признававшая, что, покуда есть изобилие в условиях большого спроса, *indigentia* не приведёт к повышению цены. Одд Лангхольм точно заметил, что теория меновой стоимости может начинаться на любой из трёх стадий дедукции. Её можно начать развивать с условий данного рынка, т. е., с изобилия или дефицита товаров. Противоположным образом, она может начинаться с характеристик товаров, делающих актуальными условия рынка. Или она может начинаться с потребностей людей, делающих актуальными эти характеристики, отсюда переходя к условиям рынка. Средневековая теория, восходящая к Аристотелю и оказавшаяся жизнеспособной в современной экономике, началась с этого третьего уровня. Несмотря на то, что не только схоласты обсуждали экономические предметы в их отношении к человеческим потребностям, они заслуживают доверия за то, что с помощью понятий агрегирования и дефицита превратили эту концепцию в рабочий аргумент ценовой формулы.

Эффективный спрос: научный вклад Жана Буридана. Следующий важный шаг в эволюции теории стоимости сделал ректор Парижского Университета Жан Буридан. Буридан был первоклассным логистом и убеждённым последователем Аристотеля, чьи достижения в области общественных наук и философии содержатся примерно в трёх дюжинах комментариев к трудам Аристотеля. Буридан ловко приблизил схоластическое понятие *indigentia* к современной концепции эффективного спроса. Он описал бедность как состояние, в котором кто-либо не имеет того, чего желает, так что понятие *indigentia* можно было бы применять к «предметам роскоши» равно как и к «предметам первой необходимости» (в более узком смысле, который вкладывал в это последнее понятие Фома Аквинский). Вдобавок, Буридан сделал *indigentia* желанием, подкреплённым способностью платить.

Эта модификация, какой бы незначительной она не казалась, стала решением большой проблемы средневековой теории стоимости. Как Аквинский, так и его товарищ, прелат Джон Данс Скотус, были защитниками «двойного правила» в средневековой теории цены. Продавец, для которого расставание с некоторым предметом потребления означало необыкновенно высокую жертву, мог, по благословению отцов церкви, компенсировать свою потерю, назначив более высокую, чем обычно, цену. Но в случае, когда эта жертва была обычной, он не мог назначать более высокую цену, только для того, чтобы повысить свою прибыль. В последнем случае, утверждал Аквинский, получая чрезвычайно высокую прибыль, продавец, фактически, продавал нечто, что ему не принадлежит (та же логика применялась схоластами при осуждении ростовщичества). Данс Скотус утверждал, что некий предмет не является драгоценным только оттого, что покупатель сильно к нему привязан. Главным пунктом каждого аргумента является то, что нельзя пользоваться преимуществом, которое дают острые потребности покупателя.

С этим двойным правилом сопряжено несколько проблем. Одной из очевидных является его фундаментальная аналитическая асимметричность. Другая проблема состоит в том, как определить «необычайно сильную потребность». Заимствуя как у Аквинского, так и у Генриха Фримарского, Буридан предложил направление мысли, в котором проводилось разграничение между индивидуальной потребностью и агрегированной потребностью. Он привязал стоимость к агрегированной потребности, под которой он подразумевал эффективный спрос, и он доказывал, что совпадение количеств покупателей и их покупательной способности работает на то, чтобы утвердить справедливое и соответствующее моральным нормам положение вещей на рынке. Покупатель, по этой причине, какую бы он не испытывал нужду, должен соглашаться с определением цены на рынке. Это то же самое направление мысли, которое, веками позже, привело к этике *laissez-faire* Николаса Барбона и Томаса Гоббса, последний заявлял, что «рынок есть лучший определитель стоимости».

В достижении Буридана вызывает интерес то, что оно возникло в рамках аристотелевской системы, в которой стала возможной метаморфоза узкой средневековой концепции *indigentia*, изначально принявшей на себя неопределённые коннотации понятия потребность, в беспорядочное обобщение, «каждая потребность, которая заставляет нас запасаться вещами». Именно этому понятию европейская теория цены – в противоположность британской классической теории стоимости – обязана своим успехом в дальнейшем. Буридан создал начатки традиции экономического исследования, пронизавшей не только его родную Францию, но, со временем, и всю Италию, и особенно Австрию. Эта традиция, своими отроутками доходящая до Аристотеля, достигла своей кульминации в девятнадцатом веке, в формулировке полезности, и, в конце концов, в сочетании этой последней концепции с понятием маржи.

Движение к синтезу: Одонис и Крелл. В продолжение всего периода Средних Веков дискуссии о теории стоимости постоянно противопоставляли обобщённую концепцию предложения (основанную на затратах на оплату труда) теории спроса, таким образом, между ними

постоянно были трения. В этих обстоятельствах можно было бы ожидать наступления синтеза этих двух теорий, тем не менее, схоластической традиции не удалось достичь того, что мы сегодня называем неоклассическим синтезом. Один человек более чем кто бы то ни было ещё приблизил теорию стоимости к ныне всем известному синтезу этих концепций. То был изобретательный немецкий теолог, занимавший должность секретаря, по имени Джон Крелл (1590 – приблизит. 1633 гг.), его мощный инсайт был результатом того, что он примкнул к Буридану и к ещё одному схоласту, Джеральду Одонису. Одонис был французским монахом Францисканского ордена, который развил собственную традицию в области теории стоимости. Он унаследовал рыночную модель, в формировании которой участвовал Св. Фома, и которая несла на себе печать Хайриха фон Фримара. Францисканская традиция была сосредоточена на *rarity*, что означало недостаток чего-либо в условиях нужды (понятие, являющееся прямой противоположностью понятия *indigentia*, которое означало нужду в условиях дефицита).

Подход Одониса решительно отвергал простую теорию стоимости с точки зрения количества труда и концентрировался на дефиците и количестве человеческих производственных навыков. Это привело его к теории дифференцированной оплаты труда, которая признавала относительные эффективности различных навыков и относительные затраты на приобретение этих навыков. То был важный шаг на пути к окончательному осознанию синтетической природы труда и теорий стоимости с точки зрения спроса. Теория Одониса могла объяснить, например, почему архитектор зарабатывал больше каменщика, что привело к выводу о том, что недостаток рабочей силы обуславливает более высокую цену на продукцию из-за дефицита продукта. Полный синтез требует дополнительного шага: осознания того, что каждая разновидность труда является до некоторой степени дефицитной, и поэтому производит дефицитный продукт. Потому что именно таким способом труд служит регулятором стоимости. Этот вывод сделали спустя много времени; сделал его не Буридан, поскольку условием для того, чтобы его сделать, было объединение его собственного инсайта с инсайтом Одониса, который ещё не писал, когда Буридан уже работал над своими комментариями. К счастью для экономики, Крелл родился в следующем веке, что дало изобретательному мыслителю возможность совместить эти два подхода.

История говорит нам о том, что проблема стоимости не была полностью разрешена до тех пор, пока экономисты не начали понимать, что теория затрат и теория спроса были попросту компонентами одного и того же принципа. Этот единый принцип стоял на двух опорах. Первой опорой было то, что труд является регулятором стоимости, только если он используется для производства чего-нибудь полезного. Вторая опора – весь труд всегда (до некоторой степени) является дефицитным. Потребности и затраты являются, по удачной аналогии Альфреда Маршалла, всего лишь двумя лезвиями одних ножниц. Тем не менее, ушло немало времени на то, чтобы так далеко продвинуться в экономическом анализе. По иронии, в семнадцатом и восемнадцатом веках, череда очень способных итальянских и французских экономистов имела две теории, развивавшиеся отдельно друг от друга, в которых объяснительными факторами были понятия дефицита и полезности. Британская классическая традиция каким-то образом сбилась на дорогу теории затрат и оказалась неспособной достичь единства понятий дефицита и полезности, даже несмотря на то, что мысль о том, что труд регулирует стоимость продукта посредством дефицита очень ясно просматривается в работе Сеньора. Во Франции девятнадцатого века случился внезапный всплеск гениальности, но это явление было до конца отражено в экономической теории с интервалом, составляющим приблизительно три десятилетия.

Самое интересное явление, которое в этом исследовании схоластической экономики выходит на поверхность, состоит в замечательной преемственности аристотелевской традиции. Схоластическая экономика целиком была в рамках этой традиции, факт, который, к сожалению, служит тому, чтобы умалить их творческие научные достижения. Но, одно за другим,

эти достижения служили кирпичами и цементом, на которых позже было воздвигнуто здание теории стоимости.

Доктрина ростовщичества

По мере того, как ссудный процент все стали считать ценой на деньги, стало возможным считать теорию ссудного процента просто одним из подразделений общей теории стоимости. Но в Средние Века некоторые темы вызывали много споров, как, например, условия, на которых должно быть разрешено назначение процентов за кредит. Более того, у церкви была официальная позиция по этому вопросу.

Несмотря на то, что мысль о получении процента, или прибыли, от выдачи ссуд как о занятии предосудительном восходит к Ветхому Завету (Второзаконие 13:20), Римская Католическая Церковь не стала делать предписаний против ростовщичества, которое определяли как торговую сделку, «в которой больше испрашивается, чем даётся», частью своей официальной доктрины до четвёртого века н. э., когда консул Ниццы наложил запрет на эту практику среди католического духовенства. В течение правления Карла Великого этот запрет был распространён на всех христиан. Последующая практика сделала это ограничение абсолютным запретом, и на протяжении многих веков законы о ростовщичестве пользовались всеобщей официальной поддержкой. В продолжение Средних Веков ростовщичество и доктрина «справедливой цены» были главными экономическими вопросами, занимавшими схоластов.

В латинском языке *usura* означало выплату за использование денег в сделке, которая приносила доход (т. е., чистую прибыль) для заимодателя тогда как слово *interesse*, от которого произошло слово «интерес», означало «убыток» и трактовалось церковным или гражданским правом как возмещение убытка или издержек. Ссудный процент обычно рассматривался как компенсация за отсроченную выплату долга или за потерю прибыли заимодателем, который не смог использовать свой капитал альтернативным способом в течение того срока, пока ссуда оставалась непогашенной. Риск обычно не считали оправданием того, чтобы назначать проценты по кредиту, поскольку ссуды обычно были обеспечены собственностью, стоимость которой во много раз превышала размер ссуды. Таким образом, запрет на ростовщичество не был нацелен на сдерживание высоких прибылей или рискованных предприятий. Например, *societas* (товарищество) было признанной формой коммерческой организации со времён Римской Империи. Его цель, состоящая в получении дохода, была официально санкционирована, а поступления от торговли рассматривались как плата за усилия и риск. *Census* был разновидностью раннего финансового инструмента, сочетавшего в себе элементы ипотеки и ежегодной ренты. По условиям этого контракта, заимодатель нёс «обязательство выплачивать ежегодную прибыль от приносящей доход собственности», как правило, с земельной собственности. Считалось, что *census* по своей природе не является ростовщичеством.

Вдобавок, банковские депозиты стали, к тринадцатому веку, формой инвестирования. Уже в двенадцатом веке переводные векселя совмещали иностранную валюту с кредитом, несмотря на то, что проценты были зачастую упрятаны в высокий обменный курс. Другими словами, в течение Средних Веков церковная доктрина ростовщичества, существующая наряду с легитимными формами получения процентов, способствовала установлению двойного стандарта, ставшего, со временем, весьма условным, создавая возможности эксплуатации для тех, кто устанавливал правила.

С годами средневековая экономическая доктрина всё чаще стала входить в конфликт со средневековой экономической практикой. Вплоть до тринадцатого века радикальное осуждение ростовщичества церковью сопровождалось светскими запретами, которые широко варьировались от страны к стране. Тем не менее, несмотря на повсеместный запрет ростовщичества, его никогда не удавалось искоренить ни на какой-либо достаточно обширной европейской

территории, ни на сколько-нибудь долгое время. Профессиональные ростовщики хотя иногда нелегально, вероятно, всегда существовали в средневековой Европе. Там, где они работали открыто, их деятельность лицензировалась государством, получавшим от них лицензионные сборы.

Поскольку доводы церкви в пользу ростовщичества мало что значат в контексте современной экономики, вся эта тема обычно считается аналитическим тупиком. Главными изъянами схоластического анализа были пренебрежение производительностью денег как экономического ресурса и его несостоятельность в понимании связанной со временем стоимости денег. Некоторые историки винили церковную доктрину за то, что она задерживала развитие капитализма, подавляя рост кредитных рынков.

Экономическое влияние средневековой церкви

По всем историческим отчётам, средневековый период отмечал важный переход от древнего мира к современному. Однако даже тщательное перечисление того, «кто что сказал», даёт неполную картину этого кипучего переходного периода. Все исторические отчёты «перехода к современному либерализму» отводят главнейшую роль в окончательном развитии либерального капитализма средневековой Римской Католической Церкви – старейшему работающему институту запада. Оказалось трудным ответить на вопрос, благоприятствовало ли общее влияние церкви возникновению капитализма, или оно препятствовало ему. Есть много мнений в пользу обеих ответов на этот вопрос. В этом заключительном разделе, поэтому, мы делаем обзор некоторых из вопросов, отметивших переход из одной эры в другую.

Церковная организация

После двенадцатого века римский католицизм столкнулся только с незначительной дополнительной конкуренцией со стороны евреев и арабов, поэтому он стал преобладать на больших участках Западной Европы. Канонический закон (легальная система церкви) начала вытеснять гражданское право и, со временем, доминировать в нём в свободно организованных государствах и других политических организациях запада. Церковные чиновники вводили в действие законы, уважающие все аспекты решений, имеющих отношение к «предложению» различных церковных продуктов, таких как индульгенции, политическая поддержка правящих монархий и различные социальные услуги (напр., больницы, милостыни для бедных и т. д.). Сеть церковного влияния была постепенно расширена до установления брачных предписаний, торговых практик и всех разновидностей общественного и экономического поведения. Короли, принцы и аристократы были обязаны большей частью своей власти одобрению властей римской католической церкви, которые, с помощью обширной клики церковных агентов, помогали правителям оплачивать войны, поддерживать боеспособность армий и договариваться о совершении сделок. Средневековая церковь, более того, была чрезмерно богата, и она была огромным землевладельцем в течение средневекового периода. Она получала прибыли не только от добровольных взносов, но также от продаж мощей, от налогов и земельной ренты.

Организация средневековой церкви была аналогичной тому, что называется мультидивизиональной корпорацией. Эта разновидность фирмы характеризуется наличием центрального офиса, который контролирует повсеместно финансовые потоки и проводит стратегическое долгосрочное планирование (Ватикан), но допускает, чтобы отделения, как правило, региональные, имели высокую степень автономии в управлении ежедневными операциями (епархии). Папа принимал на себя обязанности, аналогичные обязанностям главного исполнительного директора, и у Ватикана был свой собственный банк (папская *камера*) и совет директоров

(Коллеж Кардиналов). Его розничные операции были обширными и повсеместными. Перво-степенная роль ватиканского центрального офиса заключалась в том, чтобы дать доктрину и догмы, относящиеся к важным принципам членства (напр., к интерпретации Священного Писания) и к сбору рент от многих его подразделений и территорий, использующих эту торговую марку. Следующими после Ватикана были структурные подразделения, имеющие разное географическое положение, местных отделений Римской Католической Церкви. Они включали в себя региональные нищенствующие монашеские ордены; монастыри, большая часть которых специализировалась на производстве (сельскохозяйственного) богатства, а не на продаже розничных услуг; и приходских священников и другого местного духовенства. Между тем, как ренты собирались на всех уровнях, главные прибыли приходили от этих структур, работающих с отдельными людьми, а не с организациями, местных церквей. Как и все хорошие корпорации, средневековая церковь внедряла политики по исполнению церковных уставов и предписывала исполнительным властям предотвращать оппортунистическое поведение с помощью своих многочисленных агентов.

Поддержание церковной монополии и доктринальных манипуляций

Чтобы защитить свой монопольный статус, средневековая церковь пыталась предотвратить вход конкурирующих религий. Еретиков церковные лидеры и члены церкви строго осуждали и остерегались. Интердикт, при котором «грешнику» запрещалось общаться с другими христианами, был одной из форм наказания. Более суровой формой наказания было отлучение от церкви, которое подразумевало тотальное отделение преступника от католической церкви и приговор к вечному проклятию, есть не будет принесено покаяние. Многие еретики погибли как жертвы крестовых походов или наводящей ужас инквизиции. В общем, средневековая церковь установила сложную систему для грешников всех разновидностей.

В попытке защитить своё доминирующее положение на рынке, средневековая церковь также прибегла к доктринальным манипуляциям с тем, чтобы увеличить спрос за свои услуги или сделать потребительский спрос более неэластичным. Одним из способов защиты от конкурирующих фирм была дифференциация продукта. В продолжение Средних Веков церковь манипулировала условиями, которые прилагались к её главному продукту, гарантиям вечного спасения. Брачные рынки, которые были, по большей части, делом светским и гражданским до установления церковной монополии, были захвачены церковью, и стали регулироваться множеством правил, которые позволяли церкви иметь некоторую степень контроля над династическими семьями – они были одной из главных угроз её автономии. Чиновники церкви практиковали разные виды ценовой дискриминации при исполнении епитимьи, при установлении брачной политики и при продаже индульгенций. Другая доктрина, которая была почти скрыта от общества, касалась ростовщичества и «справедливой цены». Когда церковь была должником, по-видимому, применялись запреты, связанные с ростовщичеством, но не когда церковь была кредитором. Подобные манипуляции распространялись на церковные правила, касающиеся церковной десятины и долгов, жалования индульгенций, посещения церковных праздников и бенефиций, которые жаловали епископам и кардиналам. Со временем, церковь продвинула свои монопольные практики настолько, чтобы поощрять доктринальные реформы, которые, со временем, объединились в то, что мы называем Протестантской Реформацией.

Теория рационального поведения позволяет понимать церковь как экономическую общность – общность, которая извлекала выгоду из увеличивающейся секуляризации европейского общества, но осознавала, что наука, технология и гуманизм, в конечном итоге, ослабят вид и форму продукта, который продавала церковь. Если «вера в Христа и христианские принципы» была бы главным вопросом, было бы трудно объяснить, как церковные чиновники могли оплачивать войну против других наций (крестовые походы) или других христиан (религиозные

войны против протестантов), в гораздо меньшей степени против прочих католиков (конфликты с восточной православной христианской церковью). Более того, возникновение яростной цензуры всех разновидностей в шестнадцатом и более ранних веках также трудно разумно объяснить (напр. преследование Галилео, убеждённого католика), разве только в экономическом контексте, то есть, в контексте монополии, доминирования на рынке и доходности церкви. Экономисты, объективно рассматривающие эти политики и доктрины, видят их как примеры монопольного поведения и всего, что влечёт за собой эта модель экономической организации. Экономические анализы исторических трансформаций приближаются к предмету институционального поведения на одном из двух оснований: общественный интерес или частный интерес. Если религиозные организации, в этом случае, средневековая церковь, действовала бы единственно только исходя из интересов общества, они вели бы себя как «хорошее государство» – такое, которое обеспечивает правоверного информацией, духовными благами и общественными благами при конкурентных ценах (т. е., маргинальные издержки). Экономическое исследование поведения средневековой церкви не поддерживает этого мнения или поддерживает его в очень небольшой степени.

Протестантство было другой трансформирующей силой средневековой эры. Оно возникло – в значительной степени, в северной Европе и Англии – главным образом, как ответ на оппортунистические практики официальной церкви. Чистым результатом было ослабление влияния римской католической версии христианства в Европе. Некоторые великие учёные прошлого черпали силу в новой вере, которая стимулировала и поощряла подъём капитализма (напр., Макс Вебер). Сторонники этого мнения утверждали, что атака католической церкви на чрезмерное «зарабатывание денег» (древняя идея, как мы видели в настоящей главе), на науку и на свободомыслие замедлило развитие либерального капитализма в том виде, в котором он был воспринят Адамом Смитом и классическими писателями. Их мнение далеко не универсальное. Другие писатели выдвинули обоснованный довод о том, что католическая церковь, несмотря на свою догму и доминирование на рынке, поощряла экономическое развитие, а не замедляла его. В общем, исторические причины для возникновения либерализма сложные и разнообразные и, при такой временной дистанции, их, возможно, никогда не удастся понять полностью. Мы должны снова поднять эту проблему в следующей главе, в которой мы рассматриваем ещё один идеологический и исторический довод в пользу упадка авторитарных экономик и возникновения экономического либерализма.

«Домострой» Сильвестра

Русские люди XIV века безупречное ведение домашнего хозяйства, т. е., экономику в том смысле, который вкладывали в этот термин в Древней Греции, ценили как одну из христианских добродетелей. Сильвестр в поучение своему сыну собрал в книгу, под названием «Домострой», правила и наставления, им предлагалось следовать всякому, желающему жить праведной жизнью. Привила эти он заимствовал из разных книг, и он прибавил свои замечания и наставления сыну. В «Домострое» указывалось до мельчайших подробностей, как следует вести домашнее хозяйство. Надо сказать, что особую роль в эффективности ведения домашнего хозяйства отводили женщинам, подчёркивали важность снижения издержек домашнего хозяйства благодаря экономии и хорошему администрированию.

Становление экономической мысли

Несмотря на то, что период от Греческой Античности до конца Средних Веков составляет примерно две тысячи лет, фундаментальная экономическая структура западной цивилизации мало изменилась за это время. И Греческая Античность, и европейский феодализм характери-

зовали маленькие, обособленные самодостаточные рыночные хозяйства с небольшим количеством капитала и низкими уровнями производительности. На уровне основного производства существовало крепостное право, которое было сродни рабству, если не считать юридической разницы, состоявшей в том, что крепостным не было отказано в правах собственности на собственные тела. Крепостные крестьяне были привязаны к земле, кто владел этой землёй было неважно, тогда как рабы принадлежали определённому владельцу, независимо от того, владел он землёй или нет.

В продолжение этих двух тысячелетий изолированный обмен преобладал над тем, что сегодня мы называем рыночным обменом. Следовательно, учёные трактаты этого времени сосредоточивались, главным образом, на вопросах справедливости, а не происхождения цены. Этот акцент сохранялся в интеллектуальной традиции, идущей от Аристотеля до европейских схоластов. Преемственность этой традиции сохранялась исламскими нациями, служившими проводником для повторного введения идей Древней Греции на европейский континент.

Джон Крелл, писавший в семнадцатом веке, увенчал традицию анализа стоимости, начало которой положили ранние схоласты четырьмя веками ранее. То была традиция внутри традиции. Схоластическая традиция в этом узком смысле слова, была, тем не менее, более связанной и консолидированной, потому что церковь в Средние Века пользовалась интеллектуальной монополией на знание. Все учёные говорили на одном языке, на латыни. Каждый принадлежащий этой традиции человек исповедовал одни и те же фундаментальные убеждения и одинаково признавал авторитет церкви и Бога. Альберт Великий, Хайнрих фон Фримар и Джон Крелл были немцами; Фома Аквинский – итальянцем; Буридан и Одонис – французами. Эта неоднородность была, тем не менее, едва заметна. Как писал Крелл, схоластическая традиция находилась в процессе замещения ранней современной формой исследования. Но все новые экономисты восемнадцатого века имели классическое образование, поэтому их подход к экономическому анализу имел уже свою традицию.

С институциональной точки зрения, в Средние Века в Европе преобладала единственная организация – Римская Католическая Церковь и Русская Православная Церковь – они имели огромное влияние на светские государства и общество. Их практики были монопольными практиками в том, что они препятствовала входу новых религий посредством угроз и насилия (напр. отлучений от церкви, иттердиктов и крестовых походов); посредством дифференциации своего продукта (напр., изобретения лимба, чистилища и исповеди) и посредством взятия под контроль фундаментальных общественных обычаев (напр., закона и брака). Только когда эта монополия начала разрушаться в шестнадцатом веке в Европе, конкурирующие религии серьёзно посягнули на государства Западной Европы. Игра религии, религиозной веры, политических структур и своекорыстия отдельных людей и групп в период позднего средневековья и раннего периода современных обществ сместила экономическую ось Западной Европы. Мы имеем некую разновидность двойственности, действующей в главных исторических трансформациях, вычленив которую сложно: идеи формируют события и «имеют последствия», но события также формируют идеи и помогают устанавливать теории. Идеи, возникшие из «меркантильной» экономической организации и последствий экономического преследования собственной выгоды, имевшие место в шестнадцатом и семнадцатом веках, вымостили дорогу для другого важного перехода от меркантилизма к экономическому либерализму, как мы увидим в следующих двух главах.

Глава 3

Меркантилизм и рассвет капитализма

«Меркантилизм» – расплывчатое понятие. К началу шестнадцатого века наметились институциональные изменения, которые сделали последующие три столетия отличающимися от предшествующей эры феодализма. Одной из характеристик этих изменений было возникновение более сильных централизованных государств-наций. Термин меркантилизм часто используют для описания интеллектуального и институционального окружения периода подъёма государств-наций. Однако, к началу девятнадцатого века, интеллектуальная и институциональная среда снова изменилась в пользу большей личной свободы и гораздо меньшей концентрации экономической и политической власти. Таким образом, меркантилизм имеет отношение к промежуточному между феодализмом и либерализмом периоду. Этот термин описывает экономическое кредо, преобладавшее на заре капитализма, до индустриальной революции.

Существует два основных способа для анализа экономики системы мысли, называемой меркантилизмом. Один способ состоит в том, чтобы рассматривать меркантилизм как чрезвычайно последовательный, «статичный» набор идей – то есть, совокупность идей, подытоженных в событиях тех дней. Это доктринальный подход. С точки зрения другого подхода меркантилизм является важным историческим процессом. Он сосредоточивается на динамике конкурирующих интересов и их роли в определении экономических и политических институтов. Такой подход мы называем *политическим*. С точки зрения обоих подходов меркантилизм есть система власти, но первый очерчивает некоторую совокупность определённо меркантильных условий, или «центральных тенденций», характеризующих мысль этого времени. В рамках этого подхода условия меркантилизма, предположительно, становились недействительными по мере того, как меркантилизм заменяла конкурирующая совокупность идей. Доктринальный подход предполагает, что люди и их идеи могут быть организованы в некоторый континуум с «меркантильным» на одной из его оконечностей и «либеральным» на противоположной. По контрасту, политическая точка зрения сосредоточивается на тех мотивируемых поиском собственной выгоды силах, работающих в экономической системе, которые вызывают изменения в структуре власти и богатства. В нём делается акцент на специфическое законодательное регулирование меркантильного периода и на то, как каждый закон влиял на конкурирующие группы интересов, разделяемых монархией, парламентом, судами и производителями. Он предполагает, что движущая сила индивидуального поведения в период меркантилизма была той же, что и движущая сила капитализма двадцатого века, а именно, своекорыстное преследование выгоды.

Несмотря на то, что эти два подхода можно рассматривать как конкурирующие теории, нет причины, по которой их нельзя было бы рассматривать как дополняющие друг друга теории. Вероятно, наиболее полное понимание меркантилизма придёт благодаря пониманию обоих подходов. Тем не менее, для целей обсуждения и для учебных целей, мы условились разграничивать доктринальный и политический подходы.

Меркантилизм как доктрина: экономика национализма

Термин меркантилизм создал Мирабо в 1763 году для описания той расплывчатой системы экономических идей, которая, казалось, доминировала в экономическом дискурсе с начала шестнадцатого века и почти до конца семнадцатого века. Писатели-меркантилисты были разобщённой группой. Большинство из них были торговцами, и многие из них попросту преследовали собственные эгоистические интересы. Даже при этом меркантилизм был меж-

дународным явлением (он был кредо, принятым Англией, Голландией, Испанией, Францией, Германией, Фландрией и Скандинавией), в целом в среде меркантилистов было меньше последовательности и преемственности, чем в среде схоластов предыдущего века. Отсутствие преемственности между писателями-меркантилистами можно приписать по большей части отсутствию общих аналитических инструментов, которые можно было бы разделять и передавать из поколения в поколение. Более того, общение между меркантилистами было скудным или его вообще не существовало, что составляет контраст с мощной сетью взаимоотношений между современными экономистами. Тем не менее, меркантилизм был основан на некоторых объединяющих идеях – на доктринах и политических заявлениях, снова и снова обнаруживающихся в ходе изучения этого исторического периода.

Возможно, наиболее чёткое обобщение принципов меркантилизма было предоставлено Филиппом Вильгельмом фон Хорником, адвокатом из Австрии, опубликовавшим состоящий из девяти пунктов меркантилистский манифест в 1684 году. План национального превосходства фон Хорника созвучен темам независимости и накопления богатства. Его девять основных правил национальной экономики следующие:

1. Чтобы каждый дюйм принадлежащей стране земли был использован для сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых или производства.
2. Чтобы всё сырьё, которое можно получить внутри страны, было использовано для внутреннего производства, поскольку конечные товары имеют более высокую стоимость, чем сырьё.
3. Чтобы создавались благоприятные условия для большого трудящегося населения.
4. Чтобы был запрещён всякий экспорт золота и серебра, и чтобы все деньги государства-нации были в обращении.
5. Чтобы, насколько это возможно, создавались неблагоприятные условия для импорта иностранных товаров.
6. Чтобы там, где невозможно обойтись без импорта определённых товаров, они приобретались бы из первых рук в обмен на другие товары отечественного производства, а не на золото и серебро.
7. Чтобы, насколько это возможно, импорт ограничивался бы сырьём для производства отечественной готовой продукции.
8. Чтобы постоянно шёл поиск возможностей для продажи излишков производства страны иностранцам, постольку, поскольку это необходимо, за золото и серебро.
9. Чтобы не допускалось импорта в случае, если такие же товары в достаточном количестве и должным образом поставляются на внутренний рынок отечественной промышленности.

Пункты этой программы, возможно, не принимались целиком и полностью всеми меркантилистами, но они достаточно представительны, чтобы охарактеризовать эту расплывчатую систему идей, которую мы обозначили в начале этого раздела.

В нижеследующем изложении мы будем заняты, главным образом, характеристикой этих возможных тенденций, а не отдельными личностями. Читатель не должен забывать о том, что характеристика, следует ниже, является *упрощением* и идеализацией, которая может быть неприменима к любой из наций эпохи меркантилизма. Например, британский, французский, голландский и испанский меркантилизм отличались друг от друга во многих важных отношениях. Это расхождение даже в ещё большей степени касается отдельных личностей, факт, который можно легко проверить, прочитав и сравнив работы по крайней мере двух меркантилистов. Не было ни одного человека, который считал, что все идеи, изложенные ниже, представляют меркантильную мысль, и то, что следует ниже только одна из возможных характери-

стик меркантильных идей. Период меркантилизма – это время, когда были созданы начатки многих идей. Вследствие этого, меркантилизм как совокупность идей, синкретичен, его можно сравнить с лоскутным одеялом.

Наше внимание будет сосредоточено на нескольких областях меркантильного интереса: «идеи «реального мира», взгляды на международную торговлю и финансы и примеры «дуализма» во внутренней политике. После оценки меркантильных идей, мы обратимся к историческому процессу меркантилизма и его роли в возникновении либерализма.

Меркантилисты и идеи реального мира

Писатели-меркантилисты, все до единого, озабочены прикладными проблемами реального мира. Спасение души и справедливость перестали быть главными предметами интереса (как в предыдущий период) в работах, имеющих отношение к экономике; материальные вещи стали целью человеческой деятельности. Некоторые писатели меркантильного периода оглядывались на средневековую систему в связи с некоторыми вопросами, а другие писатели смотрели вперёд, в направлении *laissez faire*, но все они были заняты материальными и объективными экономическими целями. И несмотря на то, что их главная социальная цель укрепления «государственной власти» была субъективной, их мнения о работе экономической системы были ясным отражением мыслительных привычек реального мира.

Некоторое число меркантилистов заменило концепцию естественного закона, правящего организацией общества, на перцепты «божественного закона» Аквинского и средневековых докторов церкви. Сэр Уильям Петти предоставил, возможно, наилучший пример попытки извлекать выводы об экономическом поведении из аналогий с естественными науками. В своей «Политической арифметике» Петти отмечал, что, как мудрый врач не вторгается в жизнь своих пациентов, а наблюдает и сообразуется с движениями природы, так и в политике и экономике следует поступать так же.

Несмотря на то, что Петти писал свои работы в период позднего меркантилизма, теории социальной обусловленности – то есть, теории естественных тенденций, правящих явлениями реального мира – возникают уже в середине шестнадцатого века. Этот аспект некоторых меркантильных работ является предметом большого интереса как один из принципов *laissez faire*, но в данный момент важно отметить, что содержанием этих «рационалистских» идей не было достижение нематериальных целей.

Международная торговля

Одним из отражений этих задач, продиктованных отношениями реального мира, в идеализированной концепции меркантилизма был, по-видимому, неиссякаемый интерес к материальной выгоде государства. Материальные ресурсы общества (средства), в целом, должны были использоваться для того, чтобы создать благоприятные условия для обогащения и благосостояния государства-нации (цель). Единственным наиболее важным предметом исследований писателей-меркантилистов, очевидно, было то, как следует использовать ресурсы нации таким образом, чтобы сделать государство настолько мощным, насколько это возможно, как в политическом, так и в экономическом отношении. Шестнадцатый и семнадцатые века были отмечены присутствием великих торговых наций. Построение власти приняло форму исследований, географических открытий и колонизации. Главной темой, которую рассматривали писатели-меркантилисты, были, по понятным причинам, международная торговля и финансы. Золото и средства для его приобретения обычно были связующим звеном дискуссии.

Роль денег и торговли в меркантилизме. Деньги и накопление их были первоочередными заботами растущих государств-наций в эру меркантилизма. Как уже было отмечено, за процветающей международной торговлей последовала эпоха открытий и колонизации, и золотой слиток был единицей международных расчётов. Приобретение золота путём торговли и многообразных ограничений были важными меркантильными идеями, и деньги, а не реальные товары, как правило, считались богатством.

Одной из идеализированных целей торговли и производства было увеличение накопления нацией золотых слитков. Внутриэкономической занятости и производству создавали благоприятные условия путём поощрения импорта сырья и экспорта готовых товаров. В макроэкономическом масштабе стремились к преобладанию экспорта над импортом (положительный торговый баланс), поскольку баланс должен был быть переведён в золото. Всё это могло бы звучать весьма разумно, если бы меркантилисты рационализировали изначально данные сравнительные преимущества внутри торгующих наций, но разочаровывающая правда заключается в том, что многие из них, казалось, не понимали, что увеличение общего объёма готовой продукции могло быть достигнуто благодаря специализации и торговле. Некоторое число писателей-меркантилистов рассматривали торговлю и накопление слитков как игру с нулевой суммой, в которой больше для страны А означало меньше для страны В, С и так далее. При таких целях, протекционизм и политика «разори-своего-соседа» были привлекательными политиками, и многие меркантилисты считали, что они приведут к желанному увеличению богатства. Увеличения богатства должны были, в свою очередь, содействовать главной цели государства-нации.

Некоторые писатели, такие как Жерар де Малин, были убеждёнными бульонистами, выступавшими против всякого экспорта специй. Такой экспорт специй был *cause célèbre* дебата по этому вопросу в начале семнадцатого века. Несмотря на то, что он сначала принял позицию Малинеса, Эдвард Мисселден (1608–1654) обрушился с критикой на крайний бульонизм, доходящий до предложений об абсолютном запрете экспорта специй даже для личных целей. Мисселден выдвинул понятие о том, что государственные политические меры следует направлять на максимизацию прибыли, которую составляли специи, на основе общего торгового баланса.

Международная торговля и финансы. Какой бы противоречивой и неверно направленной ни казалась их ориентация на деньги, меркантилисты продемонстрировали первую настоящую осведомлённость о монетарной и политической важности международной торговли и, в этом процессе, снабдили политическую экономию концепцией торгового баланса, включавшего в себя явные и неявные статьи расходов (затраты на транспортировку, страховка и т. д.). Например, в продолжение своей критики бульонистов, Мисселден разработал весьма сложную концепцию торгового баланса, которая зиждилась на понятиях дебита и кредита. В «Цикле коммерции», опубликованном в 1623 году, он, по сути, сделал торговый баланс для Англии (от Рождества 1621 года до Рождества 1622 года). Однако, то был плохой год, так как Мисселден с разочарованием заметил, что имеется огромный отрицательный торговый баланс с другими нациями. Мисселден желал подчеркнуть «научную» природу его вычислений, и именно этот факт, а не точность его данных, делает его бухгалтерию не просто набором цифр, которые были широко распространены ранее, в древнем Египте, например. Мисселден организовал данные, чтобы добиться понимания экономических явлений и достижения общественных целей.

Сегодня меркантильная идея «многоуровневого торгового баланса» находит выражение в балансе платежей между одной нацией и остальным миром. В основе своей, он состоит из пяти счетов:

1 Текущий счёт**а Товары****б Неявные расходы (услуги по транспортировке, страховка и т. д.) [А]****2 Капитальные счета****а Краткосрочные [К]****б Долгосрочные [А]****3 Односторонние трансферты (подарки, военная помощь и т. д.) [А]****4 Золото [К]****5 Ошибки и упущения**

Так как бухгалтерия двойная, баланс платежей всегда уравнивает приход и расход средств, и поэтому концепции «дефицита» или «излишка» необходимо выводить из организации и значений определённых счетов. Некоторые счета, обозначенные выше буквой А, считаются автономными или возникшими как ответ на силы рынка, а другие, обозначенные буквой К, считаются компенсирующими. Считается, что долгосрочные капитальные позиции и торговля реальными товарами, например, мотивированы фундаментальными экономическими силами, разницей процентных ставок, различиями в относительных ценах на отечественные и зарубежные товары, и тому подобным. Такие движения рассматриваются как автономные. Другие являются компенсирующими счетами и отражают результаты автономной торговли и денежных потоков. Таким образом, золото Соединённых Штатов, экспортированное во Францию, или увеличившиеся американские долларовые холдинги в центральном банке Франции, будут компенсацией, выплаченной Соединёнными штатами Франции за торговый дефицит или за чистый дефицит в долгосрочной капитальной позиции между Соединёнными Штатами и Францией. Можно описать дефицит между страной-кредитором и остальным миром следующим образом:

Излишек текущем золото	на счёте +	Минус капитальный односторонне-трансфертный дефицит	долгосрочный дефицит +	Равно чистый дефицит + обратное движение краткосрочного капитала
------------------------------	------------------	--	------------------------------	--

Несмотря на то, что некоторые писатели-меркантилисты намекали на понимание роли международных долгосрочных капитальных инвестиций как одной из сил, задействованных в укреплении международной позиции страны, похоже, не было дано чёткого объяснения баланса платежей в современном смысле этого слова. Более грубая версия использовалась для анализа торговли, и, в целом, предлагалась непрекращающаяся серия ограничений, направленных на то, чтобы, как ответ на автономные торговые счета, имелся постоянный излишек в балансе платежей за специи. Навигационные Акты, посредством которых Англия пыталась улучшить свои поступления на «невидимые счета» (транспортировка и т. д.), являются хорошими примерами таких меркантильных политик. Эти политики, отчасти лежат в основании одной из самых больших проблем писателей-меркантилистов – неспособности понять количественную теорию денег.

Торговля и поток специй. Одной из аномалий меркантилистской литературы является глубокая вера в то, что богатство будет максимизировано благодаря накоплению специй, которое являлось результатом положительного торгового баланса. Многие писатели неверно поняли следствия увеличения внутриэкономического предложения денег (монетизации), что обычно следует за положительным торговым балансом. Они усугубляли эту проблему очевидной верой в то, что положительный торговый баланс – и поэтому накопление специй – мог бы

продолжаться в течение неопределённо долгих периодов времени. Дэвид Хьюм (1711–1776), философ-экономист, современник Адама Смита, в конце концов, исправил эту ошибку. Он указал на механизм связанного с ценами притока специй, который привязывал количество денег к ценам и изменениям цен к излишкам и дефицитам торгового баланса. В действительности, у Хьюма были предшественники в период меркантилизма, и изобретение части этого механизма – количественной теории денег – было предвосхищено политическим философом Джоном Локком (1632–1704).

Эта идея, как и большинство хороших идей, в ретроспективе кажется простой. Представим, что торговый баланс Англии положительный. Далее следует приток золота в Англию, но, принимая во внимание, что установлена самая жёсткая форма золотого стандарта (например, специи и только специи могут быть использованы в качестве средства обмена) – объём денежной массы увеличивается в той же самой пропорции, разумеется, при условии монетизации специй. Если экономическая система является частично-условной, предполагающей обращение бумажных денег, то это многократно увеличит количество денег в экономической системе. Как бы то ни было, уровень цен повысится, это предсказуемо, как мы увидим в дальнейшем, включая цены на товары, составляющие экспортный сектор экономики. Зарубежные страны, денежные фонды которых сократились, переживают понижение относительных цен и, вследствие этого, меньше покупают у английских торговцев. Одновременно, британские потребители начинают приобретать иностранные товары и уклоняться от приобретения изделий отечественного производства. Со временем положительный торговый баланс Англии становится отрицательным, золото уходит из страны, денежный фонд сокращается, цены падают, и торговый баланс снова становится положительным. Цикл повторяется, и попытка меркантилистов бесконечно накапливать золото сама себя сводит на нет.

Создатель этой доктрины, который сказал о деньгах: «Они не являются ни одним из двигателей торговли: они просто смазка», – имел, тем не менее, представление о краткосрочных благотворных результатах приобретения специй. Хьюм заметил, что, по его мнению, только в течение этого краткосрочного интервала, периода перехода от приобретения золота к повышению цен, увеличившееся количество золота и серебра является благоприятным для промышленности. Хьюм доказывал, что, в действительности, деньги являются «завесой», скрывающей реальные рабочие механизмы экономической системы, и не имеет большого значения мал или велик денежный фонд нации после того, как уровень цен приспособится к количеству их.

И всё-таки, очевиден тот факт, что большинству писателей-меркантилистов не удалось создать количественную теорию денег. В её самом грубом варианте эта теория гласит, что уровень цен, *ceteris paribus*, является функцией количества денег. В самых ранних её проявлениях «теория» эта – всего лишь тавтология, утверждающая, что при заданном увеличении денежной массы (скажем, при удвоении её), произойдёт пропорциональное повышение уровня цен (в два раза). В более сложном варианте этой теории объём денежной массы, умноженный на скорость оборота (количество раз, которое обращается денежная масса в год), приравнивается к уровню цен, умноженному на количество дающих доход сделок за год. Это можно записать так: $MV = Py$. Как теория уровня цен, которая выделяет зависимые (цены) и независимые (деньги, скорость их оборота, количество сделок) переменные, она выглядит так: $P = MV/y$ или, более общо, $P = f(M, V, y)$. Если предположить, что V и y – константы, увеличение M приведёт к пропорциональному увеличению P . И хотя эта более сложная теория возникла много позже Локка и Хьюма, меркантилисты не смогли уловить даже простейшей связи между этими переменными, к вящему недостатку их анализа.

Государство-нация: меркантилизм как внутренняя политика

Большинство меркантилистов опасались слишком большой экономической свободы, и по этой причине они полагались на государство в том, что касается планирования и регулирования жизни в государстве. Перечень политических мер, специально сконструированных для обеспечения интересов государства-нации, был обширным и разнообразным. Среди этих политических мер было много различных типов регулирования внутренней и международной экономики. Меры для внутренней экономики состояли из детального регулирования некоторых секторов экономики, незначительного регулирования или полного отсутствия его в других секторах экономики, налогообложения или субсидирования отдельных отраслей промышленности и ограниченной возможности выхода на любой рынок. Как пример того, до какой степени можно довести государственный контроль над экономикой, можно привести события 1666 года, когда французский министр Колбер выпустил указ о том, что полотна ткани, изготовленные в Дионее, должны содержать не более и не менее, чем 1 408 нитей. Наказания для тех ткачей, устранившихся от соблюдения данного стандарта, были весьма суровыми.

Легальные монополии, образовавшиеся благодаря привилегиям или покупке патентов, были обычным явлением при меркантилизме. Привилегия гарантировала эксклюзивные права торговли отдельному торговцу или торговой лиге, такой как Ост-Индская Компания. Помимо этого, привилегированные компании иногда получали от короля огромные субсидии. Результатом всего этого была «смешанная» экономика, но эта «смешанность» в гораздо меньшей степени была направлена на увеличение индивидуальной свободы, чем это было в Англии и Соединённых Штатах первой половины девятнадцатого века. Некоторые историки выдвинули предположение о том, что меркантилисты были простыми индивидуальными торговцами, защищавшими свои собственные узкие интересы. Конечно, внешне меркантилизм был союзом между монархом и капиталистами-торговцами, направленным на увеличение их власти. Монарх зависел от экономической активности торговцев, которая была источником пополнения его или её казны, в то время, как торговец зависел от власти монарха в том, что касалось защиты его экономических интересов. Использование политического процесса для гарантированной защиты прибылей монополий является одной из форм поиска ренты, где под «рентой» подразумевают те прибыли, получение которых можно отнести на счёт существования монополии. В одном из дальнейших разделов мы будем более глубоко исследовать эту конкретную идею в её отношении к меркантилизму.

Двусмысленность меркантилистской политики. Все меркантилисты соглашались с необходимостью механизмов контроля экономической деятельности на международном уровне, но, зачастую, они не были едины в тех случаях, когда речь заходила о внутри-экономических механизмах контроля. В трудах меркантилистов мы обнаруживаем в первую очередь, что, с одной стороны, они превозносят механизмы экономического контроля, нацеленные на регулирование международной экономической деятельности, для общественного благосостояния, но, с другой стороны, красноречиво умоляют о невмешательстве государства во внутреннюю экономику. Этот дуализм представляет собой некоторую нерешённую в рамках доктринального подхода проблему. Отдельные меркантилисты звучат иногда так, как если бы они были пламенными экономическими либералами (в том смысле, в каком их так называли в девятнадцатом веке).

Анонимный трактат (приписываемый Джону Хэлесу), озаглавленный «Рассуждение на тему общественного благосостояния Английского Королевства», написанное в 1549 году, выразил раннее недоверие относительно эффективности законодательного контроля в деле создания благоприятных условий для повышения благосостояния общества. Анализируя раз-

нообразные проблемы, возникавшие как результат движения по огораживанию, автор доказывал, что рыночные силы являются более эффективными распределителями ресурсов, чем государственные указы. Мотив получения прибыли играл выдающуюся роль в этом раннем анализе. Указывая на глупость и тщетность государственного регулирования ограждений, автор обращал внимание читателей на трудность претворения в жизнь таких законов по той причине, что неизбежно возникнет сильная заинтересованность в том, чтобы бросить им вызов; более того, даже если такой закон принимают, те, кто ищет способы получения прибылей, непременно найдут те или иные пути обойти его. Вмешательство в рыночный процесс часто оказывается безрезультатным из-за естественного отклика на него цен и доходов, как это было наглядно доказано существованием «чёрных рынков» в каждом из случаев (как из прошлого, так и из настоящего) установления государством ценового контроля. Эгоистическое стремление к самообогащению, которое было для Хэлеса естественным законом, – вот движущая сила экономической активности. Действительно, автор отмечает, что каждый человек естественным образом направляется туда, где он видит наибольшую прибыль.

Анонимный писатель 1549 года был только одним из многих, кто высказывал эти либеральные взгляды в меркантильный период. Настойчивые просьбы о свободной внутренней торговле становились всё более громкими по мере того, как меркантильная система изживала себя, особенно в трудах Джона Локка, Сэра Дадли Нортона, Чарльза Давенанта и Бернара де Мадевилля. Хотя эти либеральные убеждения, относящиеся к внутренней торговле, сильно контрастируют с меркантильными мнениями по поводу ограничений во внешней торговле, они, тем не менее, представляют собой ход мысли, достигшей своей кульминации в «Богатстве народов» Смита, который, что любопытно, характеризовал меркантилизм как систему механизмов экономического контроля. Однако, современное исследование этой темы убедительно продемонстрировало, что «то, что начиналось как оппортунистические и спорадические протесты, направленные против средств контроля коммерции, впоследствии, почти два века спустя, приняло форму систематизированной философии экономического индивидуализма, которая провозглашала полезность законов природы.

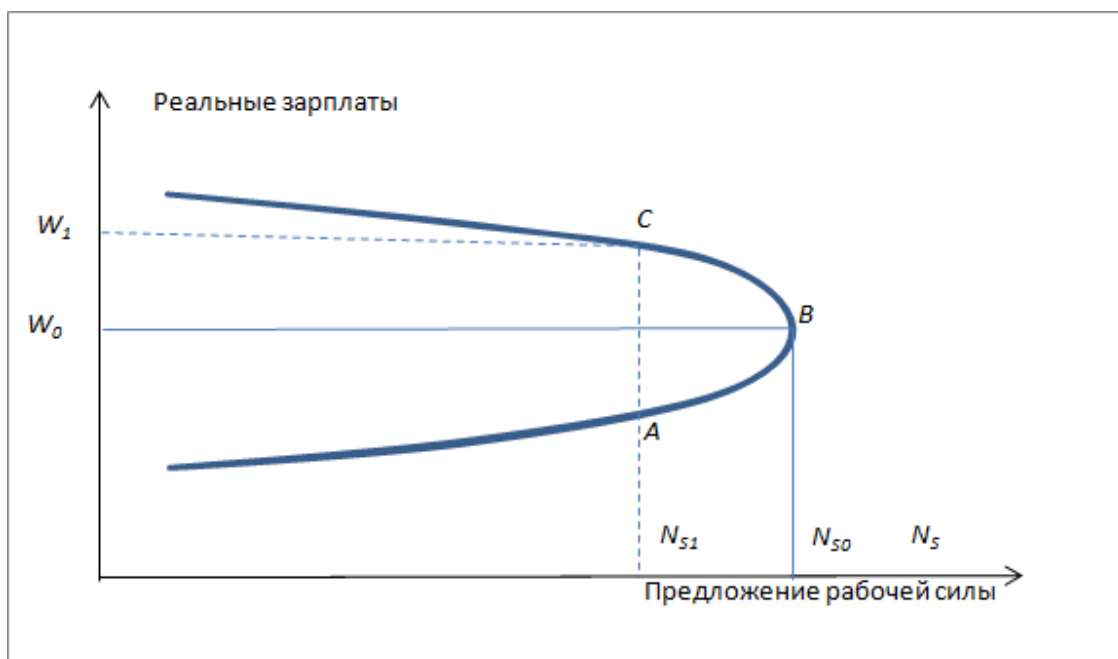
Рабочая сила и «полезность нищеты». Интересы зажиточного меркантильного класса и аристократии совпадали в том, что касалось внутренней политики в отношении рабочей силы и заработной платы. Удерживание низкого уровня заработной платы и увеличение населения были идеями, которые отчётливо просматриваются в меркантилистской литературе, что было следствием желания поддерживать ассиметричное распределение доходов, а также из веры меркантилистов в обратнонаправленную кривую предложения рабочей силы. Как бы то ни было, основа меркантильной политики «низких заработных плат» совершенно аморальна и состоит в том, что Эдгар Фернис назвал «полезностью нищеты» в своей классической работе «Положение рабочего в системе национализма». Довод, состоящий в том, что рабочую силу следует держать на грани выживания, можно обнаружить в литературе на протяжении всей меркантильной эры. В своей крайней форме он держался на вере в то, что «страдание облагораживает» и что, если только представить ему для этого малейшую возможность, «лакей» станет ленивым и неряшливым. Из-за общего низкого уровня морали низших слоёв общества, высокие заработки приведут к неводержанности во всех её проявлениях, в частности, к пьянству и дебоширству. Другими словами, если бы заработки превышали прожиточный минимум, поиски физического удовлетворения вели бы только к пороку и моральной деградации. Нищета (высокая стоимость проживания и/или низкие заработки), с другой стороны, делали работников трудолюбивыми, и это означало, что они «жили лучше». Безработица, с меркантильной точки зрения, была просто результатом нерадивости.

Взгляд на эту проблему Бернара де Мадевилля (который в других контекстах был «либералом»), был даже ещё более экстремальным. Он доказывал, что детям бедняков и сиротам

не следует давать образования за счёт общества, но их нужно трудоустраивать в раннем возрасте. Образование разрушает «стоящего бедняка», иначе говоря, «чтение, письмо и арифметика необходимы тем, чьё дело требует этих качеств, но там, где добывание средств к существованию не зависит от этих искусств, они весьма пагубны для бедных... Посещение школы по сравнению с работой – это праздность, и чем больше времени юноши проводят в такой лёгкой жизни, тем более непригодными будут они... для простого труда, как в том, что касается их силы, так и в том, что касается желания работать» («Басня о пчёлах»).

Выдвигались всевозможные предложения по ограничению неводержанности и относительно того, как сделать бедных трудолюбивыми. В 1701 году Джон Ло предложил ввести налог на потребление с тем, чтобы сделать богатых бережливыми, а бедных трудолюбивыми. Дэвид Хьюм, внесший свою лепту в либеральное движение по другим вопросам, выступал в поддержку «умеренных» налогов для стимулирования производства, но полагал, что чрезмерно высокие налоги разрушают инициативу и порождают отчаяние. Эти писатели, по-видимому, ставили своей целью установление реальной заработной платы, которая поддерживала бы «оптимальный уровень фрустрации», достаточно высокий, чтобы обеспечить стремление к «предметам роскоши», но, при этом, достаточно низкий, чтобы их никогда не смогли получить. Согласно наблюдениям Фернисса, крайне важно для писателей-меркантилистов было, чтобы низшие слои рабочего класса сохранялись во всей своей многочисленности, поскольку именно на членов этой группы населения Англия полагалась в том, что касалось экономического могущества, которое должно было обеспечить ей мировое превосходство.

Предложение рабочей силы. Вера в полезность нищеты и в низкую мораль рабочих поддерживала широко известная меркантилистская теория обратно-направленной функции предложения труда. Эту теорию исчерпывающим образом можно изложить в терминах элементарного графического анализа. Если предположить, что показатель выпуска продукции для внутренней и международной торговли является функцией затрат труда и (для упрощения) постоянного капитала, то, по мысли большинства писателей-меркантилистов, затраты труда являются фактором решающей важности для экономики. Но больше всего меркантилисты боялись, что после того, как заработки достигнут определённой точки, трудящиеся предпочтут дополнительный досуг дополнительному доходу, как показано на Рис. 3–1 (эффект дохода перевесит эффект замещения). Увеличившемуся благосостоянию, как показано на Рис. 3–1, если оно состояло в увеличении заработной платы в масштабах всей экономики, – скажем, с W_0 до W_1 , – следовало воспрепятствовать, поскольку количество затрачиваемого труда должно было, как следствие этого, снизиться с N_{S0} до N_{S1} . Производительность труда должна была снизиться, равно как и способность накапливать специи посредством торговли.

РИСУНОК 3–1

По мере того, как заработные платы увеличиваются с w_0 до w_1 , происходит уменьшение предложения труда с N_{S0} до N_{S1} .

Однако, с макроэкономической точки зрения это рассуждение ущербно. Если описанный процесс не ведёт к перераспределению дохода рабочих, уменьшение реальной производительности труда приведёт, в конечном счёте, к уменьшению реальной заработной платы. Но эти последствия так и не были исследованы, и, в том виде, в каком она существует, идея кажется неполной и парадоксальной. Трудно сказать, основывался ли этот довод на эмпирической оценке того, что кривая совокупного предложения труда (или любого из его отдельных компонентов), и в самом деле, была обратно-направленной, или же это был просто апологетический довод в пользу определённого типа общественного и экономического распределения материальных ресурсов, при том многие свидетельства поддерживают эту последнюю позицию. В любом случае, эта мысль снова и снова появляется в посвящённой экономике постмеркантильной литературе.

Некоторые исторические оценки меркантилизма

Меркантилизму, как системе идей, было дано множество оценок, начиная с гиперкритичной оценки Адама Смита, с последовавшими за ней неоклассическими аргументами, выдержанными в том же духе. Тем не менее, не все оценки были столь критичными.

Оправдание теории с точки зрения понятия ликвидности. Многие писатели, включая членов британской и немецкой исторических школ, выделили некоторые рациональные элементы в меркантилизме. Они видят меркантильные политические меры как вполне приемлемые для своего времени; т. е., политические меры, направленные на создание благоприятных условий для сильного государства-нации было оправдано после хаоса и разброда периода падения феодальной системы. Следующее, гораздо более важное, утверждение заключается в том, что кривая предложения специй обладала очень низкой эластичностью во время, когда деловые требования, предъявляемые к коммерции и торговле, росли как грибы после дождя. Если рассматривать данный предмет в рамках теории денег, скорость (или количество

раз) оборота денег за год не бесконечна. Проверка уравнения $MV=Py$ показывает, что растущее количество сделок (+у) при постоянном количестве денег (М), создаёт давление, приводящее к росту скорости оборота денег; т. е., фирмы и потребители могут сэкономить очень немного на запасах наличных денег (банкноты и прочие документы были изобретены для этой цели). Тем не менее, погоня меркантилистов за специями как за средством, облегчающим заключение сделок, могла иметь смысл, возможно, они были разменной монетой, которую стоило иметь, конечно, только в тех случаях, когда есть гарантия, что они обеспечены деньгами (монетизированы). Однако, даже если предположить, что игра в специи была, до некоторой степени, игрой с нулевой суммой, особенно, в краткосрочных ситуациях, писателей-меркантилистов можно критиковать за непонимание механизма, относящего деньги к ценам и за то, что они не направили своё внимание на факторы, существующие помимо данного запаса золота, которые должны были повышать ликвидность.

Защита Кейнса. Возможно, одной из самых знаменитых из всех защит меркантилизма была защита Дж. М. Кейнса. В своей «Общей теории занятости, процентов и денег», Кейнс хвалил «практическую мудрость» этой школы, и он установил, что есть «элемент научной истины» в этой доктрине, применимой к отдельным странам, но не ко всему миру в целом. В ныне известных кейнсианских терминах, совокупный спрос поднимается благодаря увеличению чистых иностранных инвестиций плюс увеличению внутренних инвестиций, вызванного понижением процентной ставки. Кейнс полагал, что благодаря эффекту «множителя», действие увеличенного спроса оказывает подобное увеличительному стеклу действие на доход и на совокупную занятость. По мысли Кейнса, критической точкой является та, где увеличение денежных доходов за счёт снижения процентной ставки ведёт к увеличению совокупного спроса и занятости.

Но несколько упрощённый подход Кейнса входит в противоречие с некоторыми «проклятыми» вопросами. Первое, Кейнс основывал свои доводы на произвольно выбранных выдержках из литературы меркантилистов, в которых обнаруживается подразумеваемое понимание отношения между деньгами и процентной ставкой, влияния увеличения чистых иностранных инвестиций на занятость. Не вполне понятно, являются или нет эти утверждения, даже в самой свободной интерпретации, просто удачными замечаниями отдельных меркантилистов, какими являлись некоторые принадлежащие ранее упоминавшимся в этой главе писателям.

Второе, если за меркантилистами признать «практическую мудрость», то тогда придется только удивляться природе безработицы в Испании и Англии шестнадцатого и семнадцатого веков. Будет ли безработица в неинтегрированном, полуфеодальном, аграрном обществе отвечать на увеличение совокупного спроса или, в этом контексте, безработица будет структурно-технологического типа? Определённые движения огромной общественной значимости, такие как те, что трансформировали феодальное децентрализованное общество в современное государство, длятся века, прежде чем завершиться. В этих обстоятельствах нужно ожидать частичной и структурной безработицы. Политические меры, нацеленные на уменьшение безработицы в развивающихся странах, которые полагались в первую очередь на увеличение денежной массы, чаще всего преуспевали только в создании инфляции. Все эти резоны ослабляют кейнсианскую оценку меркантилизма, несмотря на тот факт, что, на первый беглый взгляд, факты, казалось бы, так славно подходят к его теоретическим построениям. В споре о том, что политические меры меркантилистов были спланированы для улучшения общей ликвидности, Кейнс был на более твёрдой почве. В прочих отношениях, оценка Кейнса выглядит чрезмерно щедрой.

Меркантилизм как система идей. Основным теоретическим дефектом меркантилистской литературы (разумеется, всегда есть исключения из общего правила) была неспособность

уразуметь циклическую природу баланса внешней торговли и связи между денежной массой внутри страны и ценами. Меркантилистам не удалось, если быть краткими, интегрировать механизм [цены] – [приток специй] Локка-Хьюма (или количественную теорию денег) в свой анализ, и в этом есть ирония, если принять во внимание то, с какой тщательностью они занимались сопоставлением статистических данных и то, с какой систематичностью вели учёт.

В самом деле, эта склонность собирать и хранить статистику количеств реального мира вполне может оказаться самым важным наследием меркантилистов, которое они оставили современной экономической науке. Аналитические озарения периода меркантилизма, такие, какими они были, являлись результатом аккуратного эмпиризма. Меркантилисты были в числе первых писателей-экономистов, которых интересовал действительный опыт, а не метафизические спекуляции. Они выставили экономические вопросы на всеобщее обозрение, и, поступив таким образом, подготовили площадку для достижений, сделанных в следующий период развития экономической мысли.

Тем временем экономический процесс внутри меркантильных экономик (в особенности, Англии), вызывал институциональные изменения, дающие, в совокупности своей, объяснение исторического подъёма и упадка меркантилизма. Чтобы получить это объяснение, не нужно уделять много внимания тому, что говорили меркантилисты, но вместо этого важно сконцентрироваться на том, что и почему они делали.

Меркантилизм как экономический процесс

Политический, или процессуальный, взгляд на меркантилизм – это попытка объяснить, почему и как возник в своё время меркантилизм, и почему он, в конце концов, уступил дорогу решительно отличающейся от него экономической системе. Доктринальный подход подразумевает представление о том, что только меркантилистские цели были приемлемы для политики меркантилистов. В рамках процессуального подхода рассматриваются экономические мотивации отдельных людей или групп людей внутри национальной экономики. Он сосредоточен на выгодах экономических агентов от использования государства для получения прибылей. Такие прибыли, на жаргоне современных экономистов, называют рентами (например, доходы от монополий). Таким образом, в рамках процессуального подхода меркантилизм представлен как форма поиска ренты. Этот процессуальный взгляд на историю полнее доктринального с точки зрения способности объяснить эту историческую переменную.

Несколько фундаментальных концепций современной теории законодательного регулирования

Краткий обзор некоторых современных идей из теории экономического регулирования и политики будет полезным для изучения политического взгляда на меркантилизм. Термин «охотники за рентой» – это одна из простых концепций, подразумевающая своекорыстное поведение кого-либо или всех участвующих в распределении дохода. Если соотнести её с современным анализом законодательного экономического регулирования, идея будет состоять в том, что, преследуя свои собственные интересы, политики (члены парламента, конгресса, представители любой другой законодательной власти в государстве, члены муниципалитета и проч.) будут обеспечивать предложение привилегий и законных статусов государственных монополий для отдельных бизнесменов и торговцев или для любой из групп, чей эгоистический интерес приводит к возникновению спроса на государственное законодательное регулирование экономики. Эта направленная на самообогащение деятельность не означает (с необходимостью), что политики будут принимать прямые денежные выплаты, хотя мы увидим, что последнее было совсем не редким явлением в меркантильный период. В современном мире

всё гораздо изощрённей. Поскольку большая часть политиков является членами юридических фирм, покровительство в форме предварительных гонораров является лёгким способом получения «побочных заработков» равно как и обещание высокооплачиваемого места после того, как политик покинет свой кабинет. Предпринимается попытка объяснить, используя современный анализ, с точки зрения издержек и выгод для вовлечённых лиц, наличие или отсутствие монопольных привилегий в некоторых производствах и видах экономической деятельности.

Здесь нам нет нужды заниматься формальной спецификацией издержек и выгод, но пара примеров помогла бы нам понять то, как работает процессуальный подход в качестве объяснения. Рассмотрим «представителей промышленности», или лоббистов, как потенциальных покупателей законодательства. Их спрос на монопольные привилегии от правительства (как то входной контроль и субсидии), очевидно, будут иметь отношение к тому, сколько прибыли они могут ожидать от этих привилегий. Например, всё, что увеличивает неопределённость в том, что касается длительности монопольной привилегии, будет уменьшать ценность определённой монопольной привилегии для определённой промышленности. Так же будет обстоять дело с любыми расходами, налагаемыми на такую регулируемую фирму (как то налоги и периодические проверки) в качестве *quid pro quo* за привилегию. Теперь рассмотрим регулирование со стороны обеспечения предложения. Современная экономическая перспектива говорит о том, что политики будут максимизировать свой интерес (повторные выборы и побочные заработки), предлагая регулирующее законодательство в обмен на деньги и голоса. В основном, проблемой этих групп является преодоление затрат на организацию эффективной лоббирующей силы. Большие группы, такие как группа розничных торговцев, зачастую бывают неспособными преодолеть высокие затраты на объединение для организации эффективного лобби, в то время, как менее многочисленные группы могут находиться в более выгодной позиции для организации лоббистской деятельности. Сколько законодательного регулирования будут стремиться предложить политики зависит от издержек и выгод от такого рода деятельности вместе с коалиционными и организационными затратами, необходимыми, чтобы действительно предлагать законодательное регулирование. Как правило, чем больше группа, требующаяся, чтобы был принят обслуживающий отдельные интересы закон, тем выше коалиционные издержки.

Таким образом, законодательное регулирование можно рассматривать как товар, на который существует спрос и предложение, как на прочие товары. Подобным образом, увеличение затрат на подлежащее продаже законодательство – как в ситуации, когда способность предлагать государственное регулирование переходит от одного лица (монарха или диктатора) к группе лиц (Парламенту или городскому совету) – означает, что нужно ожидать снижения предложения государственного регулирования и того, что станет меньше равновесный спрос на него. В меркантилистскую эру мотивация меркантилиста искать государственного экономического регулирования обеспечивалась перспективой получения монопольной привилегии, т. е., защиты со стороны государства. В этом случае, экономическая логика меркантилизма та же, что лежит в основе большей части современной политико-экономической деятельности. Некоторые группы (скажем, бывшие ремесленники, нынешние менялы) обладают изначально в них заложенным организационным преимуществом в лоббировании государственной законодательно регулируемой защиты от конкуренции (например, в прошлом Статут Ремесленников, ныне Комиссия по Межгосударственной Коммерции) по сравнению с другими группами, такими как группа потребителей в целом. Обычно в таких случаях прибыли успешных заинтересованных групп представляют собой трансферты материальных ценностей от потребителей, приобретающих подлежащую законодательному регулированию продукцию.

Термин «картель» также часто используется в теории законодательного регулирования и в её приложении к меркантилизму. Картель – самым известным из них является картель ОПЕК – это всего лишь формальное объединение фирм, действующих как единый монополист, обладающее неким подобием централизованного контроля. Цены и/или доли готовой продук-

ции, как правило, находятся в ведении членов картеля, поведение которых некоторым образом отслеживается и держится в струне. Условия входа ограничены. Картели могут быть организованы в частном порядке и публично. Существует сильная мотивация обмануть соглашения по ценам или по выпуску продукции, если нет законных санкций за предрасположенность к этому, потому что каждая фирма может много выиграть от снижения своих цен или от продажи своей продукции вне закреплённого за нею рынка. Большая часть негласно организованных картелей нестабильны по этой причине; они имеют тенденцию со временем распадаться. Покупка законодательного регулирования является, поэтому, обычным (и недорогим) средством для какой-либо из отраслей промышленности превратиться в картель, поскольку законодательное регулирование гарантирует последовательное принуждение к соблюдению правил. С помощью законодательного регулирования поддерживаемого законными санкциями против «обманщиков», государство может попытаться установить контроль над условиями входа на определённые рынки, ценами или прибылями.

В таком случае, как в старом, так и в новом меркантилизме, экономическое регулирование можно рассматривать как итог конкурентного процесса, при котором заинтересованные группы ищут государственной защиты от конкуренции. В том положении, которое занимал меркантилизм во времени и пространстве, значимыми организованными группами в нём были отчасти группы местных администраторов, торговцев и городских рабочих и отчасти монопольные организованные группы, совлечённые в национальные и международные производство и торговлю.

Внутриэкономическое законодательное регулирование английского меркантилизма

Экономическое регулирование на местном, национальном и международном уровнях приняло, в основном, ту же самую форму в английском меркантилизме, что и в современных ему обществах. Деятельность фирм подлежала лицензированию и, таким образом, конкуренция между поставщиками ограничивалась. Тем не менее, важно понять некоторые главные различия между поведением институтов, охватывающим местное, в противовес национальному, законодательное регулирование и монополию. Местное законодательное регулирование предприятий, цен и уровней заработных плат берёт своё начало в средневековой системе гильдий. Усиление этого исходящего из гильдий регулирования в период правления Тюдоров, вплоть до Елизаветы I, было ответственностью бюрократии гильдии, сотрудничавшей с административной машиной города или графства. Елизавета попыталась кодифицировать и усилить эти детальные правила в Статуте Ремесленников. В этом законе были прописаны особые обязанности по наблюдению за исполнением закона местных правоохранительных органов, знати и местных администраторов. Представителям правоохранительных органов и других административных надзорных инстанций по исполнению местных законов платили очень мало или вообще ничего не платили за их службу, это обстоятельство обусловило специфику расстановки экономических интересов на местном уровне. Именно эти интересы, в конечном итоге, сделали предоставление монопольных прав на местном уровне не эффективным.

С другой стороны, на национальном уровне промышленное законодательное регулирование создавалось тремя способами: (1) парламентскими статутами, (2) декларациями и патентными письмами королевской особы, (3) декретами Тайного Совета королевского двора. Следует отметить, что торговцы, как и монархи, живо откликались на возможности получения ренты. Слияние частных интересов монарха и монополиста прочно вошли в английскую практику уже в четырнадцатом веке, а возможно ещё раньше.

Стало быть, мотивы экономической деятельности, как правило, узнаваемы и не изменились по прошествии столетий. Но, хотя, в основе своей, меркантилизм тогда и сейчас одина-

ков, есть важные отличия двух сред для поиска ренты. Самое важное для целей настоящего обсуждения различие касается рынка со стороны предложения регулирующего законодательства. Национальный меркантилизм обеспечивался монархией, а монархия представляет собою уникально низкозатратную среду для поиска ренты, особенно по сравнению с современными демократическими установлениями, где власть предоставлять регулирующее законодательство распределена между различными ветвями государственной власти. Концентрация меркантильной власти в руках меркантильного монарха является логичным объяснением широкомащтабной погони за рентой и экономического регулирования в течение этого периода истории Англии. В ходе нашей дискуссии мы увидим, как рост и, в конечном счёте, перевес власти Парламента обеспечивать законодательное регулирование драматическим образом изменили затраты и выгоды для покупателей и продавцов монопольных прав так, что это привело к упадку меркантилистского регулирования. Но сначала мы должны рассмотреть структуру и судьбу местного регулирования.

Исполнение местного законодательного регулирования

Законные рамки для претворения в жизнь меркантилистского экономического регулирования на местном уровне были установлены елизаветинским Статутом Ремесленников. Этот статут был попыткой кодификации более старых правил для регулирования промышленности трудовых ресурсов и благосостояния, с той важной разницей, что эти правила должны были быть национального, а не местного масштаба. Некоторые писатели указывали на колоссальное увеличение уровня заработных плат после Чёрной Смерти как на импульс для экономического регулирования на национальном уровне. Непосредственной экономической причиной тому, скорее всего была неспособность городов ужесточить меры по пресечению мошенничества, связанного с соглашениями местных картелей. Города пытались купить у короля единообразную национальную систему законодательного регулирования, и эти монопольные права должны были быть защищёнными от посягательств, особенно «иностранцев». Было много попыток, предпринятых преследующими свои корыстные интересы торговцами и городскими администраторами, регулировать экономическую активность и пресекать посягательства «незваных гостей» на местные привилегии. Эти стремления нашли своё отражение в многочисленных документах эпохи Тюдоров. Город Лондон сильнее других желал отгородиться от чужаков и иностранных технологий, которые сдерживали рост городских доходов. Решение, которое предлагалось чаще всего, состояло в том, чтобы выслать из города всех деревенских чужаков или тех рабочих, которые не имели «законных» квалификаций для занятия различными ремёслами.

Единообразная система местных монополий в национальном масштабе должна была претворяться в жизнь мировыми судьями. Первичной чертой данной системы было то, что служба её сотрудников не оплачивалась. Отсутствие оплаты труда мировых судей, по мнению некоторых историков, вела к «непрофессионализму» и «лени» с их стороны в деятельности по надзору за соблюдением законов. Но более вероятным является то, что низкая оплата труда или отсутствие её создавала условия для должностных преступлений и вела к тому, что наблюдение за исполнением закона приобретало своекорыстный характер, предполагавший наличие тайной деятельности и избирательное насаждение картелей в отдельных областях промышленности, как это было выгодно мировым судьям. Есть свидетельства, подразумевающие, что законодательное регулирование претворялось в жизнь таким образом, что чистая стоимость принадлежащих мировым судьям вкладов в подлежащих государственному контролю и надзору предприятиях увеличивалась. Этого, как правило, можно было достичь либо предпочтением кого-либо, – фирме, в которой мировые судьи имели свой интерес, разрешалось обманывать картель, тогда как прочие этого делать не могли, – либо дачей взяток прочему персоналу этого

института власти. Королевский Совет постановил, что деятельность самих мировых судей должна была отслеживаться констеблями, которые, обладая по закону меньшими полномочиями, чем мировые судьи, часто выступали в роли получателей взяток. Ко времени правления Джеймса I ни для кого не было секретом, что мировых судей можно легко «купить». Мировые судьи всегда готовы были предоставить лицензию на право владения, например, гостиницей при условии, что они получили взамен услугу или деньги.

Для любого исторического периода трудно найти точные отчёты о нелегальных сделках, потому что всегда отсутствует мотивация для их регистрации, но в случае с меркантилизмом свидетельства наблюдателей-современников, похоже, подтверждают мнение о том, что те, кто осуществлял надзор за претворением в жизнь меркантильных законов, регулирующих внутреннее экономическое регулирование, были сторонами, преследующими свои эгоистические интересы. Таким образом, утверждение о том, что они были безразличными и беспечными, выглядит наивным. Современная теория показывает нам, что следует ожидать должностных преступлений как предсказуемого ответа на низкую заработную плату за работу, в которой доминирующим является элемент «доверия». Всё потому, что возможные издержки для должностного преступника, заключающиеся в том, что его поймут и уволят, ничтожные. С точки зрения преследования эгоистических интересов, поведение мировых судей в эру меркантилизма было весьма эффективным и предсказуемым в условиях тех ограничений, которые были наложены на него Статутом Ремесленников.

Местное законодательное регулирование и мобильность ресурсов. Другой трудностью в претворении в жизнь елизаветинской системы законодательного регулирования на местах была возможность для той категории населения, деятельность которой подлежала регулированию, избежать юридической ответственности, покинув пределы города. Несмотря на попытки ограничить перемещения, есть свидетельства вопиющего пренебрежения этими законами. Фактически, движение ремесленников в деревню винили в упадке, обнищании и разрушении городов. Со своей стороны, мировые судьи, опять-таки, «наблюдали за претворением в жизнь» статута способом, очень далёким от намерений короны.

В результате, покупатели и продавцы могли мигрировать в нерегулируемый сектор, в городские предместья или в деревню, и существование этого не подлежащего контролю сектора экономики создавало мощные мотивации разрушать местные картельные соглашения в городах. Всё-таки, во Франции внутреннее законодательное регулирование было другим. В Англии множество важных экономических секторов было освобождено от действия статута, тогда как во Франции ничего не осталось неподконтрольным. Не похоже на то, чтобы английская деревня была «освобождена» сознательным, преднамеренным политическим актом. Скорее, экономические ресурсы отвечали на стимулы, создаваемые моделью претворения в жизнь местного законодательного регулирования, что было ответственностью мировых судей. Движение из города было всего лишь способом для некоторых ремесленников и торговцев снизить затраты на выполнение своей работы.

Миграция для ухода от местного картельного регулирования не должна была быть сопряжена с преодолением больших расстояний. Городские окраины были полны ремесленников, которые либо не могли попасть в городские гильдии, либо хотели избежать их контроля. Разнообразные усилия по установлению контроля над этими «жуликами» оказались тщетными, потому что сущность деятельности, которая велась, была сродни широко распространённому блошиному рынку. Адам Смит славно прокомментировал этот факт: «Если вы можете сносно делать свою работу, то тогда её нужно делать в пригороде, где рабочие, не имея эксклюзивных привилегий, не зависят ни от чего, кроме своего характера, и вы, затем, должны переправить её в город контрабандой настолько удачно, насколько можете» («Богатство народов»). Таким образом, обман местных картелей стал экономическим порядком того времени, и неуспех госу-

дарства в решении этих проблем является достаточным доказательством неэффективной сущности елизаветинского картельного механизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.